

ИСТОРИЯ

Г. Л. Соболев

ЛЕНИНГРАД В БОРЬБЕ ЗА ВЫЖИВАНИЕ В БЛОКАДЕ

КНИГА ПЕРВАЯ
Июнь 1941 — май 1942

Геннадий Соболев

**Ленинград в борьбе за
выживание в блокаде. Книга
первая: июнь 1941 – май 1942**

«Санкт-Петербургский государственный университет»

2013

ББК 63.3(0)62+63.3(2)622.72

Соболев Г. Л.

Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 – май 1942 / Г. Л. Соболев — «Санкт-Петербургский государственный университет», 2013

ISBN 978-5-288-05494-5

На основе широкого круга документальных источников, в особенности опубликованных в последние годы, и достижений отечественных и зарубежных историков в книге рассматривается многоаспектная проблема борьбы Ленинграда за выживание в условиях блокады. Автор дает свой ответ на поставленные в новейшей литературе вопросы: какие причины привели к длительной блокаде Ленинграда? Кто несет ответственность за выпавшие на ленинградцев лишения и страдания? В чем (и в ком) причины неудачных попыток деблокировать город в 1941–1942 гг.? Каковы были взаимоотношения между властью и населением в критические месяцы блокады? Каковы были реальные потери мирного населения от голода и воинов Красной Армии, оборонявших Ленинград? В книге показана блокадная жизнь Ленинграда во всех ее проявлениях, рассмотрены характер и мотивы поведения различных социальных групп населения, выявлены основные факторы выживания в условиях блокады. Синхронизированное изложение событий в блокадном кольце и за его пределами по месяцам (каждому месяцу первого года блокады посвящена отдельная глава книги) позволило увидеть жизнь города-фронта в самое трудное время блокады во всей ее трагичности. Помещенные в конце каждой главы документы, извлечения из воспоминаний и дневников, опубликованных в последние годы, органично дополняют авторский текст.

ББК 63.3(0)62+63.3(2)622.72

ISBN 978-5-288-05494-5

© Соболев Г. Л., 2013

© Санкт-Петербургский
государственный университет, 2013

Содержание

От автора	7
Глава первая	8
Глава вторая	39
Документы	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Геннадий Соболев

Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 – май 1942

Рецензенты:

д-р ист. наук *Н. Д. Козлов* (ЛГУ им. А. С. Пушкина),

д-р ист. наук *М. В. Ходяков* (С.-Петерб. гос. ун-т)

Печатается по постановлению Ученого совета исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

От автора

Занимаясь многие годы изучением истории обороны и блокады Ленинграда, я только в последнее время пришел к выводу, что должен написать свою «блокадную книгу» историка. Этой книгой я выполняю свой долг перед моими родителями: Леонтием Ефимовичем Соболевым, воевавшим и погибшим на Ленинградском фронте в марте 1943 г., Марией Ивановной Соболевой, спасшей нас с братом от голодной смерти, перед моими блокадными одноклассниками и учителями 331-й школы Володарского района, перед воспитателями и товарищами по несчастью детского дома № 54; перед студентами, аспирантами и преподавателями Ленинградского университета, подвигу которых в годы Великой Отечественной войны посвящены многие мои работы и, конечно, перед всеми защитниками Ленинграда, погибшими на поле боя, в осажденном городе от голода, обстрелов и бомбежек.

Так случилось в моей жизни, что, выжив семилетним ребенком в блокадном Ленинграде благодаря безграничной любви и заботе моей матери, я вернулся в блокаду через 20 лет в качестве ее историка и испытал потрясение не менее сильное, чем в детстве. Это было тем более неожиданно, что в послевоенные годы мне казалось, что я все забыл о том страшном времени. Однако судьбе было угодно мне о нем напомнить: поступив после окончания исторического факультета ЛГУ в 1959 г. на работу в Ленинградское отделение Института истории АН СССР, я попал в качестве начинающего исследователя в авторский коллектив по подготовке истории Ленинграда в годы Великой Отечественной войны и блокады. С того времени начались мои блокадные переживания, источником которых стали документы и материалы практически всех архивов Ленинграда и Москвы. К сожалению, многие документы тогда были еще засекречены, а целый ряд важных проблем обороны и блокады Ленинграда находился под негласным запретом.

Представляется, что предлагаемое в книге синхронизированное изложение событий в блокадном кольце и за его пределами позволяет рассмотреть жизнь города-фронта в самое трудное время блокады во всей ее трагичности. Сознывая, что тема блокады Ленинграда требует особой доказательности и убедительности, автор счел необходимым включить в каждую из глав подборку наиболее важных документов, чтобы читатель смог получить конкретное представление об источниках. Помещенные в книгу иллюстрации – из Центрального государственного архива кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга, архива Государственного Музея истории Санкт-Петербурга и личного архива автора.

В ходе многолетних архивных розысканий мне пришлось сделать немало открытий как о высоком моральном духе ленинградцев, так и об их трагической судьбе. И это не шло ни в какое сравнение с тем, что я видел своими глазами из окна нашей промерзшей квартиры блокадной зимой 1941–1942 г. Об этих печальных открытиях я постараюсь рассказать в своей книге.

Выражаю искреннюю благодарность и сердечную признательность моим коллегам, с которыми я связан многолетними творческими контактами, участием в подготовке коллективных трудов, публикаций документов, в научных конференциях: В. М. Ковальчуку Б. П. Белозерову, С. К. Берневу, В. А. Иванову, Н. Д. Козлову, Ю. И. Колосову, Т. С. Конюховой, В. А. Кутузову, Н. А. Ломагину, С. В. Магаевой, М. И. Фролову, М. В. Ходякову, А. Н. Цамутали, Н. Ю. Черепениной, А. Н. Чистикову. Особая благодарность – А. А. Смирновой, которая постоянно поддерживала мое стремление написать эту работу, а также Н. И. Богомазову, оказавшему большую помощь на завершающем этапе подготовки рукописи к печати.

Глава первая

Блокада Ленинграда: постижение правды

*Но даже тем, кто все хотел бы сгладить
В зеркальной робкой памяти людей,
Не дам забыть, как падал ленинградец
На желтый снег пустынных площадей.*

Ольга Берггольц

У каждого ленинградца, пережившего блокаду, остались свои впечатления и представления о ней, своя правда. Для подавляющего большинства из них это была «горькая правда», но трагический лик блокады, освобожденный от многих слоев полуправды и лжи, предстояло еще увидеть спустя многие годы. И дело было не только в том, что в течение длительного времени власти не позволяли нам открыто взглянуть на «маску трагедийного конца» блокадной эпопеи, но и в том, что наши собственные впечатления должны были пройти мучительные испытания великим множеством страшных и даже чудовищных фактов нашей общей блокады.

Одним из них стало сокрытие правды о блокаде Ленинграда, начавшееся еще в годы Великой Отечественной войны. От советской и международной общественности тщательно скрывалось все, что происходило в Ленинграде в период его 872-дневной блокады, в особенности масштабы смертности мирного населения от голода. О трагедии Ленинграда не было сказано ни слова в нотах народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова, адресованных прежде всего народам союзников по антигитлеровской коалиции с тем, чтобы мобилизовать общественное мнение на более активную борьбу с гитлеровской Германией... Ни до внутреннего, ни до внешнего читателя правдивая информация о страданиях и лишениях ленинградцев не доходила¹. Как писал позднее авторитетный исследователь А. П. Крюковских, «тема наступившего массового голода оказалась абсолютно запретной для печати и радио. Введя жесточайшую цензуру на информацию о катастрофическом положении Ленинграда, центр тем самым косвенно признал свою вину за непринятие мер по обеспечению города продовольствием и топливом, по своевременной массовой эвакуации населения»².

Борьба за правду о блокаде Ленинграда начиналась теми ленинградцами, кто, пережив страшную зиму 1941–1942 гг., увидел в ней «небывалый еще опыт человечества» и потому страстно желал, чтобы об этом опыте узнали все. Ольга Берггольц, сразу же заявившая «Я здесь, чтобы свидетельствовать...» и ставшая подлинным поэтом блокадного Ленинграда, прилетев в начале марта 1942 г. на короткое время в Москву, сделала неприятное для себя открытие, которое в тот же день зафиксировала в своем дневнике. «О Ленинграде все скрывалось... Трубя о нашем мужестве, они скрывают правду о нас». В этом мнении Берггольц утвердилась и после трехнедельного пребывания в столице и общения с московскими друзьями, коллегами и чиновниками от культуры. 20 марта 1942 г. она отметила в дневнике: «Здесь не говорят правды о Ленинграде, не говорят о голоде, а без этого нет никакой “героики” Ленинграда... Заговор молчания вокруг Ленинграда... А для слова – правдивого слова о Ленинграде – еще, видимо, не пришло время... Придет ли оно вообще? Будем надеяться»³.

¹ Ломагин Н. А. В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб и НКВД. СПб., 2000. С. 273; Кутузов А. В. Блокада Ленинграда в информационной войне. СПб., 2008.

² Крюковских А. П. Ленинградская партийная организация: годы войны // Ленинградская эпопея. СПб., 1995. С. 70.

³ Ольга. Запретный дневник. Дневники, письма, проза, избранные стихотворения и поэмы Ольги Берггольц. СПб., 2010. С. 77–78, 80, 81.

Однако ленинградские историки, выжившие после голодной зимы 1941–1942 гг., считали, что это время настало по крайней мере для собирания различного рода документальных материалов с целью подготовки в дальнейшем правдивой истории обороны Ленинграда. В конце марта 1942 г. Комиссия Президиума АН СССР по ленинградским академическим учреждениям обратилась в городской комитет партии с письмом, содержавшим предложение о создании общегородской Комиссии, которая возглавила бы эту работу⁴. Хотя на этом письме имеется резолюция секретаря городского комитета партии Н. Д. Шумилова – «Этот вопрос нами готовится на бюро ГК», уважаемая Комиссия Президиума АН СССР ответ на свое предложение так и не получила, как и не последовало каких-либо мер по организации Комиссии. Причина, конечно же, была не в том, что партийные органы были так заняты обороной города, что не имели времени обсуждать другие, менее важные вопросы. Как скоро выяснится, организация и работа такой Комиссии не мыслилась иначе как под контролем партийных и советских властей⁵. И в самом деле, спустя год, в апреле 1943 г., партийное руководство города приняло постановление о создании общегородской Комиссии по сбору материалов и составлению хроники «Ленинград и Ленинградская область в Отечественной войне против немецко-фашистских захватчиков». В постановлении подчеркивалось, что эта Комиссия создается «в целях руководства и направления работы по собиранию материалов и составлению хроники»⁶. Если сама работа по собиранию материалов и их хранению и составлению хроники была возложена на Ленинградский Институт истории ВКП(б), сотрудники которого начали сбор этих материалов по своей инициативе еще в 1942 г., то руководство и направление работы было поручено целой группе партийно-советских функционеров во главе с секретарями по пропаганде А. И. Махановым (Городской комитет ВКП(б)), и К. И. Домокуровой (Областной комитет ВКП(б))⁷. Историки справедливо обратили внимание на то, что в постановлении не шла речь о собирании материалов для написания истории обороны Ленинграда, как это предлагалось в письме Комиссии Президиума АН СССР по ленинградским учреждениям, а всего лишь о составлении хроники⁸. Тем не менее здесь нельзя не воздать должное сотрудникам Ленинградского Истпарта, которые под руководством директора С. И. Авакумова проделали огромную работу по сбору дневников и стенографированию воспоминаний участников обороны Ленинграда. Ленинградскому Истпарту принадлежит также заслуга подготовки и публикации первых сборников документов и материалов о Ленинграде в период Великой Отечественной войны⁹.

После так называемого «Ленинградского дела», в процессе которого были репрессированы многие бывшие руководители обороны Ленинграда, вокруг темы блокады Ленинграда почти на десять лет возник своеобразный вакуум. Исключение здесь составил ряд статей в начавшем выходить с конца 1940-х годов втором издании Большой советской энциклопедии¹⁰. В статье «Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945», опубликованной в седьмом томе Большой советской энциклопедии (1951 г.), содержалось упоминание о «героической обороне Ленинграда», в ходе которой, «несмотря на голод и лишения, связанные с блокадой, непрерывными обстрелами, доблестные защитники города, вдохновляемые И. В. Ста-

⁴ Ленинград в осаде: сб. документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944 / ред. коллегия: Н. И. Барышников, И. П. Бабурин, Т. А. Зернова, В. М. Ковальчук, Ю. И. Колосов, Т. С. Конюхова, Н. В. Пономарев, Г. Л. Соболев; отв. ред. А. Р. Дзенiskeвич. СПб., 1995. С. 520–521.

⁵ См.: Дзенiskeвич А. Р. О создании общегородской комиссии по сбору материалов для истории обороны Ленинграда // Ленинградская наука в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1995. С. 133.

⁶ Там же. С. 134.

⁷ Там же. С. 134–135.

⁸ Там же. С. 136.

⁹ Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза: сб. документов и материалов. Т. 1. Л., 1944; Т. 2. Л., 1947.

¹⁰ Это внимательно проследил А. Н. Цамутали в своих «Заметках по историографии блокады Ленинграда» // О блокаде Ленинграда в России и за рубежом. Источники. Исследования. Историография / науч. ред. А. Р. Дзенiskeвич. СПб., 2005. С. 152–156.

линым, руководимые А. А. Ждановым, отразили все атаки противника»¹¹. Заслуги Жданова подчеркивались и в специальной статье о нем, помещенной в 15-м томе Большой советской энциклопедии (1952 г.). В ней говорилось: «В годы Великой Отечественной войны Советского Союза большевистская партия и Советское правительство возложили на

А. А. Жданова организацию обороны Ленинграда. В труднейшие месяцы осады города гитлеровской армией ленинградские большевики во главе с А. А. Ждановым были душой героической обороны города Ленина, проявляя величайшее мужество и героизм. Выполняя указания И. В. Сталина, воины Советской Армии и трудящиеся Ленинграда отстояли город-герой, и под руководством А. А. Жданова осуществили гениальный сталинский план разгрома немецко-фашистских войск под Ленинградом»¹². По этой статье выходило, что «величайшее мужество и героизм» проявили ленинградские большевики, а трудящиеся осажденного города выполняли всего лишь указания товарища Сталина. Но пройдет еще год, и в статье, опубликованной в 22-м томе Большой советской энциклопедии, посвященной Коммунистической партии в период Великой Отечественной войны, не будет даже упоминания о битве за Ленинград, в то время как будут упоминаться «Разгром немцев под Москвой», «Сталинградская битва», «Битва под Курском»¹³. В этом умолчании, на наш взгляд, проявилась запоздавшая реакция на нелепые обвинения «ленинградских заговорщиков» в том, что они раздули подвиг Ленинграда в ущерб подвигу Москвы и других городов-героев, в первую очередь Сталинграда. К тому времени «заговорщики» уже были расстреляны, многие документы блокадной поры были уничтожены, а Музей обороны Ленинграда, напоминавший каждым своим экспонатом о подвиге ленинградцев в годы блокады, был практически уничтожен.

Одним из последствий «Ленинградского дела» явилась боязнь участников обороны Ленинграда и историков писать о трагических страницах блокады. Именно потому вышедшая в 1958 г. книга Д. В. Павлова «Ленинград в блокаде (1941 год)» была встречена общественностью и историками с таким вниманием и интересом. Дело в том, что автор этой книги, бывший нарком торговли РСФСР в годы Великой Отечественной войны, в течение осени и зимы 1941–1942 гг. находился в осажденном Ленинграде в качестве уполномоченного Государственного Комитета Обороны по продовольственному снабжению войск Ленинградского фронта и населения города, и потому его позиция в освещении целого ряда ключевых проблем обороны и блокады Ленинграда приобретала особую значимость. Сразу же подчеркнем, что в книге Д. В. Павлова содержится большой и ценный фактический материал о запасах продовольствия в Ленинграде в военное время, их распределении среди войск фронта и населения города, о мерах по спасению ленинградцев от голодной смерти, изыскании пищевых заменителей, доставке продовольствия в осажденный Ленинград. Вместе с тем нельзя было не заметить, что в то время как исследователи широко использовали содержащиеся в этой книге материалы, свидетельства и наблюдения автора, сам Д. В. Павлов, выпуская огромными тиражами одно издание за другим (с 1958 по 1985 г. книга переиздавалась 6 раз), смотрел на выходящую в эти годы историческую и мемуарную литературу с высоты своего номенклатурного положения. Хотя в контексте этой литературы многие положения его книги «Ленинград в блокаде» требовали уточнений или разъяснений, ее автор предпочитал поправлять других и делал это так, как будто только он владел истиной. Это не значит, конечно, что Д. В. Павлов ничего не менял в своей книге. Сравнительный анализ текстов всех шести изданий книги «Ленинград в блокаде» позволяет судить о характере вносимых им изменений¹⁴.

¹¹ Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 7. М.; Л., 1951. С. 166.

¹² Там же. Т. 15. М., 1952. С. 605. – О роли А. А. Жданова в обороне Ленинграда см.: Кутузов В. А. А. А. Жданов или А. А. Кузнецов? К вопросу о лидерстве в блокированном Ленинграде // Новейшая история России. 2012. № 1. С. 193–203.

¹³ Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 22. М.; Л., 1953. С. 234–237.

¹⁴ См. об этом: Соболев Г. Л. Блокада Ленинграда в свете перестройки исторической науки (об освещении некоторых вопросов истории блокады Ленинграда в книгах Д. В. Павлова) // Вопросы истории и историографии Великой Отечественной

Получив с конца 1950-х годов доступ к ранее недоступным архивным источникам, историки в результате их изучения пришли к выводу о том, что многие проблемы истории блокады и обороны Ленинграда нуждаются в переосмыслении и уточнении. К их числу относился и вопрос о смертности мирного населения в блокированном Ленинграде. Показательно, что в первой половине 60-х годов такого же мнения придерживались и официальные власти. 28 июня 1964 г. в газете «Красная Звезда» был опубликован ответ советского правительства на запрос шведского правительства о судьбе шведских моряков с судна «Бенгт Стуре», погибшего в годы Второй мировой войны. В этом ответе говорилось, что «моряки погибшего шведского судна «Бенгт Стуре» могли оказаться в зоне ожесточенных боев, которые охватили район Балтийского моря и Ленинграда. Эти бои были сопряжены с огромными человеческими жертвами, причем сложившиеся тогда тяжелые условия не позволили вести точный учет гибнущих людей. В Ленинграде есть кладбище, на котором похоронено, по одним сведениям, 600 тысяч человек, по другим – 700 тысяч. Никто не знает точно, сколько погибло людей в Ленинграде и в районе Ленинграда»¹⁵.

Принимая во внимание все эти обстоятельства, сотрудники Ленинградского отделения Института истории АН СССР, участвовавшие в 1960-х годах в подготовке V тома «Очерков истории Ленинграда», посвященного периоду Великой Отечественной войны и блокады города, специально исследовали вопрос о потерях ленинградцев от голодной смерти. Результатом этой работы стала статья «Ленинградский “реквием” (о жертвах населения в Ленинграде в годы войны и блокады)», опубликованная в 1965 г. в журнале «Вопросы истории»¹⁶. На основе анализа всех имевшихся в распоряжении авторов источников (как опубликованных, так и архивных), они пришли к выводу, что официальную цифру – 632 253 человека погибших от голода в Ленинграде в годы войны и блокады – нельзя считать окончательной и что такой минимальной цифрой можно с полным основанием считать 800 тыс. человек¹⁷.

Попытку уточнить число жертв голодной блокады предприняли тогда же и сотрудники Института истории партии Ленинградского обкома КПСС. Итоги их подсчетов нашли свое отражение в опубликованной в конце 1965 г. книге «На защите Невской твердыни», в которой на основе приведенных ими подсчетов констатировалось, что в «Ленинграде и пригородных районах в суровое время вражеской блокады погибло от голода не менее миллиона человек»¹⁸.

Публикация «Ленинградского “реквиема”» и новые данные ленинградских историков о смертности населения в осажденном Ленинграде получили широкий общественный резонанс и поддержку специалистов и видных участников обороны Ленинграда, в том числе Маршала Советского Союза Г. К. Жукова. И только Д. В. Павлов категорически выступил против пересмотра официальных данных о потерях населения Ленинграда от голодной блокады. В опубликованной в 1970 г. в газете «Советская Россия» статье «Истина остается истиной» он обрушился на своих оппонентов с грубой и необидительной критикой, представляя их дилетантами и ставя на одну доску с «буржуазными фальсификаторами истории»¹⁹. Не полагаясь на свой авторитет, Д. В. Павлов, как выяснилось позже (все тайное когда-нибудь становится явным), обратился за поддержкой в самые высокие партийные инстанции. В письме секретарю ЦК КПСС М. А. Суслову от 13 ноября 1975 г. он писал: «Считаю своим долгом доложить Центральному Комитету партии, что в некоторых книгах советских авторов допущены грубые извращения исторической правды. Приводятся утверждения, что за время блокады Ленин-

войны. Л., 1989. С. 64–81.

¹⁵ См.: Красная звезда. 1964. 28 июня.

¹⁶ Ковальчук В. М., Соболев Г. Л. Ленинградский «реквием» (о жертвах населения в Ленинграде в годы войны и блокады) // Вопросы истории. 1965. № 12. С. 191–194.

¹⁷ Там же.

¹⁸ На защите Невской твердыни / отв. ред. Ю. Н. Яблочкин. Л., 1965. С. 336.

¹⁹ Павлов Д. В. Истина остается истиной // Советская Россия. 1970. 23 мая.

града погибло от голода не 642 тысячи человек, как было установлено Чрезвычайной Комиссией по расследованию фашистских злодеяний, а 800 тысяч и даже миллион. За эти цифры ухватились фальсификаторы истории...»²⁰. Излагая далее «истинную сторону дела», Д. В. Павлов уверял, что он в качестве уполномоченного Государственного Комитета Оборона получал самые достоверные сведения о смертности ленинградцев от голода – регулярные отчеты отдела здравоохранения, которые дают ему основания утверждать, что «абсолютное большинство жителей города, благодаря усилиям ЦК партии и правительства, удалось спасти». Наставляя на своей правоте, он в конце своего обращения к М. А. Суслову апеллировал к политическому аспекту «дела»: «Менять через 30 лет известную всему миру цифру – 642 тысячи на другую – 800 тысяч ничего полезного не даст, а только подорвет стабильность официальных заявлений нашего правительства. А кому это выгодно? Прошу Вас не допустить публикации другой цифры»²¹. И М. А. Суслов «не допустил». По его поручению отдел пропаганды ЦК КПСС употребил все свое влияние, чтобы изъять из научного оборота любые данные о смертности в Ленинграде в годы блокады, кроме официально признанной цифры в 632 253 человека. В результате уточненные данные о смертности в блокированном Ленинграде были сняты уже в макетах 5-го тома «Истории КПСС» и 8-го тома «Истории второй мировой войны». Дело дошло даже до насилия над текстом воспоминаний Маршала Советского Союза Г. К. Жукова. Во втором, еще прижизненном издании своих «Воспоминаний и размышлений» Г. К. Жуков счел необходимым высказать свою точку зрения по вопросу о размерах потерь ленинградцев от голодной смерти в годы блокады. «Просто установить сразу после войны подлинные цифры жертв осады, – писал он в первом томе, – оказалось делом нелегким. В страшную блокадную зиму 1941/42 года детально подсчитать умерших от голода было некому. Первой объявленной цифрой погибших было 632 тысячи человек. Но впоследствии советские историки уточнили эту цифру, что и нашло отражение в пятом томе “Очерков истории Ленинграда”. Вот что написано в этот авторитетном труде: «От налетов авиации и артиллерийских обстрелов погибло 16 467 ленинградцев и 33 782 человек получили ранение. *Не менее 800 тысяч ленинградцев* (курсив мой. – Г. Ж.) погибло от голода и лишений – таков итог вражеской блокады»²².

Вместо этого текста в третьем издании мемуаров Г. К. Жукова, выпущенных в свет уже после смерти их автора, в 1978 г. и во всех последующих изданиях читателю предлагается прямо-таки противоположное «мнение» мемуариста: «В страшную зиму 1941/42 года детально подсчитать умерших от голода было некому. Но впоследствии Чрезвычайная Государственная Комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков установила, что во время блокады Ленинграда погибли от голода около 642 тысячи человек и от налета фашистской авиации и артобстрелов пали около 21 тысячи человек»²³. Такое обращение с текстом воспоминаний Г. К. Жукова, которому в вопросе о жертвах ленинградцев в годы блокады приписано утверждение прямо противоположное тому, которое он отстаивал сам, оскорбляло память не только выдающегося советского военачальника, но и защитников Ленинграда. Решительное осуждение подобной практики прошлого, отмена монополии того или иного авторитета на «окончательную истину» стали необходимыми условиями на пути восстановления исторической правды в нашей истории, в том числе и в истории героической обороны Ленинграда в годы Великой Отечественной войны.

И все же никакие Павловы и Сусловы не могли остановить начавшийся процесс научного изучения ленинградской блокады. Первым монографическим исследованием этой проблемы стала вышедшая в 1959 г. книга московского историка А. В. Карасева «Ленинградцы в годы

²⁰ Источник. 1995. № 44. 2 нояб.

²¹ Там же.

²² Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. 2-е изд. Т. 1. М., 1974. С. 430.

²³ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. 3-е изд. Т. 1. М., 1978. С. 381.

блокады».²⁴ Автор книги, воевавший на Ленинградском фронте и ставший после войны научным сотрудником Института истории АН СССР, изучил и ввел в научный оборот огромный пласт документов из центральных и ленинградских архивов. Именно эти новые документы позволили А. В. Карасеву правдиво осветить самые разные стороны блокадной жизни ленинградцев, показать последствия голода и холода, унесших в первую блокадную зиму сотни тысяч жизней.

Вскоре после появления книги А. В. Карасева вышел целый ряд работ и ленинградских авторов, которые осветили важные вопросы жизни блокадного Ленинграда²⁵. Но по богатству документального материала и его осмыслению, и тем более по эмоциональному воздействию на читателя, они уступали книге А. В. Карасева. Заметная боязнь авторов сказать правду о блокаде Ленинграда была прямым следствием «Ленинградского дела» и партийного контроля над исторической наукой.

В 1965 г. был опубликован коллективный труд «На защите Невской твердыни. Ленинградская партийная организация Ленинграда в годы Великой Отечественной войны»²⁶. Содержание этой книги далеко выходило за рамки ее названия и отличалось богатством новых архивных документов, относящихся к различным сторонам жизни блокированного города.

Важным событием в историографии обороны и блокады Ленинграда стал выход в 1967 г. пятого тома «Очерков истории Ленинграда», посвященного периоду Великой Отечественной войны. Чтобы представить, в каких условиях пришлось авторскому коллективу готовить этот фундаментальный труд, состоявший из 23 глав, объединенных в пять частей, надо иметь в виду, что контроль над подготовкой и обсуждением практически всех глав осуществляла влиятельная редколлегия, в которую помимо ленинградских историков В. М. Ковальчука, Н.Е. Носова, А.Л.Фраймана входили заведующий отделом обкома КПСС Г. П. Александров, заведующий отделом истории Великой Отечественной войны Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Е. А. Болтин, секретарь Ленинградского горкома КПСС Ю. И. Заварухин, директор Ленинградского Института истории партии С. П. Князев. Понятно, что такой состав редколлегии заранее предполагал корректировку авторского текста. Тем не менее эта коллективная работа ленинградских историков значительно продвинула вперед изучение многих проблем истории блокады и обороны Ленинграда, что признают и современные исследователи. Один из самых авторитетных специалистов сегодня Н. А. Ломагин считает, что в этой работе «впервые комплексно рассмотрены проблемы здравоохранения, а также культурной и научной жизни в блокированном городе. Ленинградские историки убедительно показали, что город не только выживал, но и не прекращал оставаться «культурным центром» в нечеловеческих условиях. Кроме того, авторы восстановили картину тягот и лишений, которые выпали на долю горожан в период блокады, особенно зимой 1941–1942 гг., и с максимально возможной в условиях жесткой цензуры объективностью рассказали о настроениях населения»²⁷. Подчеркивая важность поставленного авторами вопроса о настроениях ленинградцев в годы блокады, Н. А. Ломагин пишет, что «в данном случае речь идет о первой попытке применить некоторые методы социальной истории, апробированные на материале истории революций 1917 г., для оценки ситуации в 1941–1944 гг.»²⁸.

²⁴ Карасев А. В. Ленинградцы в годы блокады. 1941–1943. М., 1959.

²⁵ Беляев С., Кузнецов П. Народное ополчение Ленинграда. Л., 1959; Сирота Ф. И. Ленинград – город-герой. Л., 1960; Худякова Н.Д. За жизнь ленинградцев. Л., 1958; Худякова Н.Д. Вся страна с Ленинградом. Л., 1960; Манаков Н.А. В кольце блокады. Л., 1961; Кольцов А. В. Ученые Ленинграда в годы блокады. М.; Л., 1962 и др.

²⁶ Князев С. П., Стрешинский М. П., Франтишев И. М., Швердалкин П. Р., Яблочкин Ю.Н. На защите Невской твердыни. Ленинградская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Л., 1965.

²⁷ Ломагин Н.А. Неизвестная блокада: в 2 кн. 2-е изд. Кн. 1. СПб., 2004. С. 50.

²⁸ Там же. С. 51.

Заявив в коллективной работе «Ленинград в Великой Отечественной войне» о своих исследовательских интересах и профессиональном потенциале, многие авторы затем подготовили и опубликовали целый ряд монографий. В 1975 г. вышла в свет монография В. М. Ковальчука, посвященная истории строительства и эксплуатации Ладожской коммуникации блокированного Ленинграда²⁹. Работа была основана на изучении всего комплекса архивных документов и стала существенным вкладом не только в историографию обороны и блокады Ленинграда, но и Великой Отечественной войны в целом. В последующие годы В. М. Ковальчук продолжил исследование этой важной проблемы, опубликовав еще ряд книг³⁰.

А. Р. Дзенискевич, автор трех крупных глав в пятом томе «Очерков истории Ленинграда», посвященных жизни города в 1943–1945 гг., опубликовал затем серию книг о ленинградских рабочих в период блокады³¹. Его работы являются наиболее надежным источником о численности, составе и положении ленинградских рабочих в годы войны и блокады.

Со второй половины 80-х годов, особенно в 90-е годы, когда вместе с партийным диктатом ушла в прошлое и цензура, в изучении истории обороны и блокады Ленинграда произошли качественные и количественные изменения. По подсчетам отечественных историков, за последние 20 лет число публикаций о блокадном Ленинграде увеличилось не менее чем на 250 названий³². Как установил американский историк профессор Ричард Бидлак, давно занимающийся историей ленинградской блокады, на середину 90-х годов по этой теме было опубликовано свыше 400 монографий, многие из которых, по его мнению, «сильно пострадали от тяжелой руки цензуры»³³.

Сильные и слабые стороны исторической литературы о блокаде Ленинграда стали в последние годы предметом откровенного и объективного анализа историков³⁴. Поэтому отмечу здесь наиболее существенные достижения отечественных и зарубежных исследователей истории блокады Ленинграда. В первую очередь следует назвать книгу «Блокада рассекреченная», основу которой составили материалы состоявшейся в январе 1992 г. в Ленинграде широкой научной дискуссии под эгидой «Международной ассоциации блокадников города-героя Ленинграда». Участники этой дискуссии, а их было около 200, обсуждали вопросы, которые ранее не могли быть официально предметом рассмотрения: какие факторы привели к блокаде Ленинграда? Кто несет ответственность за выпавшие на долю ленинградцев лишения и страдания? В чем (и в ком) причины неудачных попыток деблокировать Ленинград? Каковы были взаимоотношения между властью и населением в критическое время блокады? Каковы были реальные потери в рядах защитников осажденного города? Участники дискуссии не предлагали готовых ответов на эти непростые вопросы и сходились в том, что ответить на них объективно можно только на основе новых архивных документов, засекреченных и запрятанных в различных архивах³⁵.

²⁹ Ковальчук В. М. Ленинград и Большая Земля. История Ладожской коммуникации блокированного Ленинграда в 1941–1943 гг. Л., 1975 (2-е изд. – Л., 1977).

³⁰ Ковальчук В. М. 1) Дорога Победы осажденного Ленинграда. Железнодорожная магистраль Шлиссельбург – Поляны (1943 год). Л., 1984; 2) Магистраль мужества. СПб., 2001.

³¹ Дзенискевич А. Р. 1) Военная пятилетка рабочих Ленинграда. Л., 1972; 2) Заводы на линии фронта. М., 1978; 3) Рабочие ленинградской промышленности накануне и в годы Великой Отечественной войны. Л., 1986 и др.

³² См.: Человек в блокаде. Новые свидетельства / отв. ред. В. М. Ковальчук. СПб., 2008. С. 3.

³³ Бидлак Р. Рабочие ленинградских заводов в первый год войны // Ленинградская эпопея. Организация обороны и население города. СПб., 1995. С. 168.

³⁴ Гринев В. П. Историография обороны Ленинграда (1941–1944). СПб., 1995; Дзенискевич А. Р. Блокада и политика. Оборона Ленинграда в политической конъюнктуре. СПб., 1998; Ломагин Н. А. Дискуссии о сталинизме и блокаде Ленинграда: историография проблемы // Ломагин Н. А. Неизвестная блокада: в 2 кн. 2-е изд. Кн. 1. СПб., 2004. С. 25–60; Цамутали А. Н. Заметки по историографии блокады Ленинграда // О блокаде Ленинграда в России и за рубежом. Источники, исследования, историография. СПб., 2005. С. 147–179; Соболев Г. Л. Оборона и блокада Ленинграда в новых документах и современной исторической литературе // Великая Отечественная война: правда и вымысел. СПб., 2009. Вып. 6. С. 4–13.

³⁵ Блокада рассекреченная / сост. В. И. Демидов. СПб., 1995. С. 5–7.

В 1994 г. Ассоциация историков блокады и битвы за Ленинград в годы Второй мировой войны, созданная в период перестройки и объединившая вокруг себя как известных, так и начинающих исследователей, выпустила коллективный труд «Ленинград в борьбе: месяц за месяцем»³⁶. Построенная по хронологическому принципу книга месяц за месяцем давала систематическое представление о том, что происходило на фронте и в самом городе. Основываясь на богатом документальном материале, авторский коллектив³⁷ создал общий очерк, в котором были показаны и героизм защитников осажденного города, и трагедия населения в самые трудные месяцы голодной блокады. По мнению рецензента, «книга была свидетельством того, что историки, изучающие историю обороны Ленинграда, в трудной обстановке начала 1990-х годов сохранили свою готовность продолжать исследовательскую работу»³⁸.

Вышедший из печати в 1995 г. сборник статей «Ленинградская эпопея» стал убедительным свидетельством того, что изучение истории обороны и блокады Ленинграда идет по пути расширения как проблематики исследования, так и круга источников. Как отмечалось в предисловии к этой книге, «основной особенностью сборника является попытка всех без исключения авторов рассматривать события исключительно с позиций научной объективности»³⁹. В том, что это не дежурная фраза, присутствующая обычно в каждом предисловии, убеждаешься по прочтении всех статей сборника. Наряду с научными сотрудниками Санкт-Петербургского Института истории РАН авторами статей стали историки других научных учреждений и вузов. Высоко оценивая научный уровень всех статей, хотелось бы все же выделить статьи Н. А. Ломагина «Настроения защитников и населения Ленинграда в период обороны города, 1941–1942 гг.» и М. В. Шкаровского «Религиозная жизнь Ленинграда в годы войны», написанные на основе изучения новых источников. Нельзя не обратить внимание на появление в коллективном труде ленинградских историков статьи американского историка, профессора Ричарда Бидлака «Рабочие ленинградских заводов в первый год войны», что хотелось бы воспринять за начало складывающегося единого с зарубежными учеными историографического пространства.

Важное значение в дальнейшем исследовании различных проблем истории обороны и блокады Ленинграда имеют вышедшие в это время работы В. А. Иванова⁴⁰.

Начало XXI в. стало и началом нового этапа в историографии обороны и блокады Ленинграда. И связано это в первую очередь с выходом в свет в 2002 г. фундаментального исследования Н. А. Ломагина «Неизвестная блокада» в двух книгах⁴¹. В этом исследовании автор поставил и рассмотрел принципиально новые и фактически не изученные проблемы: «Кремль и Смольный в годы блокады», «Власть: смысл жертв и ожидание перемен. 1942–1945», «Политический контроль над населением блокированного Ленинграда», «Роль НКВД в политическом контроле», «Настроения населения в годы войны и блокады», «Моральный фактор в битве за Ленинград». Эти важные проблемы исследованы автором на основе изучения и введения в

³⁶ Ленинград в борьбе: месяц за месяцем. 1941–1944 / ред. коллегия: Н. И. Барышников, Б. П. Белозеров, А. Р. Дзенискевич (отв. ред.), И. З. Захаров, В. М. Ковальчук, Ю. И. Колосов, Г. А. Олейников, Г. Л. Соболев. СПб., 1994.

³⁷ В авторский коллектив вошли: А. Е. Алексеенков, Н. И. Барышников, Б. П. Белозеров, К. К. Вишняков-Вишневецкий, А. Р. Дзенискевич, М. В. Ежов, И. З. Захаров, И. Г. Иноземцев, В. М. Ковальчук, Н. Д. Козлов, Ю. И. Колосов, Ф. Б. Комал, А. П. Крюковских, А. В. Кутузов, В. А. Мазнев, А. Г. Мусаев, Г. А. Олейников, А. М. Рожков, Г. Л. Соболев, В. Н. Сухов, В. Г. Федотов, М. И. Фролов, А. Н. Цамутали.

³⁸ Цамутали А. Н. Заметки по историографии блокады Ленинграда. С. 174.

³⁹ Ленинградская эпопея. Организация обороны и населения города / ред. коллегия: В. М. Ковальчук, Н. А. Ломагин, В. А. Шишкин. СПб., 1995. С. 7.

⁴⁰ Иванов В. А. 1) Миссия ордена. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х–40-х гг. (На материалах Северо-Запада РСФСР). СПб., 1997; 2) Реакция ленинградцев на чрезвычайные условия блокады // О блокаде Ленинграда в России и за рубежом. Источники, исследования, историография / науч. ред. А. Р. Дзенискевич. СПб., 2005.

⁴¹ Ломагин Н. А. Неизвестная блокада. Кн. 1. СПб., 2002; Кн. 2. Документы, приложения. СПб., 2002; 2-е изд. – Кн. 1. СПб., 2004.

научный оборот новых документов, ранее не доступных историкам. Работы Н. А. Ломагина положили, таким образом, начало качественно новому измерению блокады⁴².

Новое направление в изучении блокады Ленинграда открыла вышедшая в 2001 г. коллективная монография «Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде», посвященная историко-медицинскому аспекту блокады и в первую очередь изучению медицинских последствий блокады⁴³. В подготовке этой монографии участвовали медики, биологи, демографы, историки и др., и по своей проблематике эта работа вышла за рамки чисто медицинских проблем, органически соединив исследования специалистов в разных отраслях науки. В том же году в Петербурге состоялась по этой теме международная научная конференция, основными докладчиками на которой были авторы коллективной монографии⁴⁴. Английский историк Джон Барбер, выступивший на этой конференции с докладом «Блокада Ленинграда в исторической ретроспективе», предложил рассматривать блокаду Ленинграда «в контексте многовековой борьбы человечества за выживание перед лицом основных опасностей, постоянно угрожающих населению планеты, – голода, войн и болезней». Предлагая посмотреть на блокаду глазами ученых-медиков, он считает, что такой угол зрения поможет ответить на целый ряд важных вопросов: кто умирал в осажденном Ленинграде в первую очередь? Кто смог выжить? Какие физиологические и психологические особенности помогли ленинградцам в борьбе за жизнь? Каковы основные факторы массовой смертности? В чем проявлялись непосредственные и отдаленные последствия голода, продолжавшие оказывать свое негативное воздействие много лет спустя⁴⁵?

Ответы на эти важные вопросы содержатся в вышедших в последние годы монографических исследованиях А. Р. Дзенискевича, С. В. Магаевой, В. Б. Симоненко, Л. И. Тервонен, Л. П. Хорошихиной⁴⁶. Некоторые из названных выше авторов (С. В. Магаева и Л. И. Тервонен) пережили ленинградскую блокаду в детском возрасте, испытали сильное психоэмоциональное воздействие обстрелов и бомбежек, страшного голода зимы 1941–1942 гг. На основе анализа большого фактического материала и своего блокадного опыта они сформулировали представления о блокадном характере, который способствовал выживанию в экстремальных условиях.

Проблема смертности в блокированном Ленинграде является центральной и в опубликованной в 2003 г. книге М. И. Фролова «Салют и реквием. Героизм и трагедия ленинградцев. 1941–1944 гг.». Констатируя чрезвычайную сложность выяснения и уточнения потерь населения осажденного Ленинграда от голода, автор считает, что приблизиться к решению этой задачи может помочь анализ таких первичных документов, как домовые книги, а также социологических опросов переживших блокаду ленинградцев. Проведенный им анализ домовых книг Василеостровского района за период блокады показывает, что это перспективный источник. М. И. Фролов высказывает мнение, согласно которому жертвами голодной блокады с учетом смертности населения во время эвакуации стали не менее 800 тыс. ленинградцев⁴⁷. Тем самым он солидаризируется с другими исследователями, которые определяют потери населения Ленинграда от голода в 700–800 тыс. человек⁴⁸.

⁴² См. также: Ломагин Н. А. Ленинград в блокаде. М., 2005.

⁴³ Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде. Историко-медицинский аспект / отв. ред. А. Р. Дзенискевич. СПб., 2001.

⁴⁴ Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде. Историко-медицинский аспект. Материалы международной научной конференции, 26–27 апреля 2001. СПб., 2001.

⁴⁵ Там же. С. 5–6.

⁴⁶ Дзенискевич А. Р. На грани жизни и смерти. Работа медиков-исследователей в осажденном Ленинграде. СПб., 2002; Магаева С. В. Ленинградская блокада: психосоматический аспект. М., 2001; Симоненко В. Б., Магаева С. В. Ленинградская блокада: открытия в биологии и медицине. М., 2009; Магаева С. В., Тервонен Л. И. Блокадные дети. М., 2011; Хорошихина Л. П. Голодание в детстве как причина болезней в старости (на примерах малолетних жителей блокированного Ленинграда). СПб., 2002 и др.

⁴⁷ Фролов М. И. Салют и реквием. Героизм и трагедия ленинградцев 1941–1944 гг. СПб., 2003. С. 60–64.

⁴⁸ Там же. С. 64.

Соглашаясь с М. И. Фроловым в том, что уточнение потерь ленинградцев от голода связано с привлечением новых источников, следует отметить, что дальнейшего критического изучения требуют и документы, казалось бы, давно известные, но не ставшие тем не менее объектом специального исследования. Материалы Ленинградской городской Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников впервые стали предметом обстоятельного изучения в кандидатской диссертации С. Б. Бизева в 2001 г. Главный вывод, к которому пришел молодой исследователь в результате анализа документов этой Комиссии, состоит в том, что установленная ею цифра потерь ленинградцев от голода – 649 тыс. человек – является не точной из-за ошибок, допущенных при составлении именных списков⁴⁹. С. Б. Бизев пришел также к выводу, что в блокированном Ленинграде погибло еще около 100 тыс. человек, не учтенных в районных именных списках, и общая цифра потерь мирного населения Ленинграда, Пушкина и Петродворца составляет не менее 770 тыс. человек⁵⁰.

К вопросу о жертвах голодной блокады вернулся в своей монографии «900 дней блокады: Ленинград 1941–1944» В. М. Ковальчук, занимающийся изучением этого вопроса многие годы. В своей новой работе он обстоятельно рассматривает основные проблемы, прямо или косвенно связанные с причинами столь длительной осады города, с тяготами и лишениями, выпавшими на долю его жителей. Определяя цифру погибших в блокаде ленинградцев от голода, холода, болезней, обстрелов и бомбежек в 750 тыс. человек, В. М. Ковальчук подчеркивает, что эта цифра – «результат многолетнего анализа, главным образом, ленинградских историков, занимающихся изучением истории блокады, самых разных документов, в том числе и тех, которые раньше не было доступны исследователям»⁵¹.

Если объективное изучение блокады Ленинграда в нашей стране тормозилась с самого начала негласным запретом на публичное обсуждение ее трагических страниц, то зарубежные авторы, особенно те, кто побывал в блокированном Ленинграде, не стеснялись в выражении своего восхищения подвигом ленинградцев. Здесь в первую очередь необходимо назвать имя английского журналиста и историка Александра Верта, находившегося в годы войны в СССР в качестве корреспондента «Санди Таймс» и радиовещательной компании Би-би-си. Александр Верт – один из немногих западных журналистов, которым удалось посетить Ленинград в период блокады. Его книга, вышедшая в Лондоне в 1944 г., «Ленинград» проникнута чувством восхищения перед ленинградцами, перед их мужеством в борьбе с фашистскими захватчиками. Английский журналист побывал на ряде предприятий Ленинграда, в том числе на Кировском заводе, беседовал с летчиками и артиллеристами, оборонявшими город, посетил школу на Тамбовской улице, присутствовал на приеме в Ленинградском отделении Союза советских писателей, был принят председателем Исполкома Ленсовета П. С. Попковым. Верт пишет, что повсюду, где бы он ни бывал, с кем бы он ни беседовал, его не оставляло чувство того, что он является свидетелем исключительного события. С восхищением передает Верт слова 15-летней девушки – работницы Кировского завода, которая в ответ на вопрос, не хочет ли она работать в более безопасном месте, сказала: «Нет, я кировка, а мой отец был путиловцем, и худшее теперь позади, так что следует держаться до конца»⁵². Обобщая свои впечатления от посещения осажденного Ленинграда, Верт пишет в заключительной главе своей книги: «Я видел человеческое величие и ранее. Я видел его в Испании, затем во время массированных бомбардировок Лондона; я видел его в том страшном арктическом конвое, который привез

⁴⁹ Бизев С. Б. Смертность гражданского населения Ленинграда в годы блокады 1941–1944 гг. (на материалах Ленинградской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников): автореф. дис... канд. ист. наук. СПб., 2001. С.28.

⁵⁰ Там же. С. 29.

⁵¹ Ковальчук В. М. 900 дней блокады: Ленинград 1941–1944. СПб., 2005. С. 212.

⁵² Werth Alexander. Leningrad. London, 1944. P.61.

меня в Россию в мае 1942 г., я видел генералов и солдат, выигравших битву за Сталинград... но величие Ленинграда имеет свое особое свойство»⁵³.

В 1964 г., через 20 лет после выхода книги «Ленинград», Александр Верт опубликовал новую книгу – «Россия в войне 1941–1945», одна из частей которой под названием «Ленинградская эпопея» посвящена героической обороне Ленинграда⁵⁴. В предисловии к русскому изданию своей новой книги Александр Верт пишет, что в опубликованной им ранее книге «Ленинград» он «дал по-человечески правдивый, полный и точный отчет о том, что происходило там во время голода»⁵⁵. Вместе с тем, отмечает автор, в то время нельзя было располагать теми ценными материалами, в первую очередь статистическими, какие теперь изданы в СССР. Первая половина «Ленинградской эпопеи» написана Вертом на основе изучения советских источников, вторая – на основе личных впечатлений, которые нашли свое отражение в его книге «Ленинград». Личные впечатления, подкрепленные теперь знанием документов и литературы, позволили Верту через 20 лет не только остаться в своих оценках на прежних позициях, но и в ряде случаев их развить. Верт особенно отмечает товарищескую взаимопомощь, коллективизм защитников города, поддерживавших друг друга, их высокий моральный дух⁵⁶. В заключительной главе «Ленинградской эпопеи» Верт отвечает на вопрос, почему Ленинград выстоял. «Самое замечательное в истории ленинградской блокады, – пишет он, – это не сам факт, что ленинградцы выстояли, а то, как они выстояли»⁵⁷.

Вместе с тем нельзя не заметить, что изучению блокады Ленинграда за рубежом мешали узость Источниковой базы, состоявшей по преимуществу из трофейных материалов, а также отсутствие доступа к советским архивным документам. В условиях «холодной войны» находилось немного энтузиастов историков, которые хотели и могли преодолеть эти препятствия. Тем не менее западные исследователи значительно раньше своих советских коллег поставили целый ряд вопросов, связанных с масштабами смертности среди ленинградцев, взаимоотношениями населения блокированного Ленинграда с властью, массовыми настроениями в период осады города и др., хотя их выводы в силу узости документальной базы носили часто односторонний характер, о чем можно судить по вышедшей в США в 1962 г. книге Леона Гуре «Осада Ленинграда»⁵⁸. Главный тезис, который развивает автор этой книги, состоит в том, что лояльность ленинградцев режиму была predetermined страхом перед полицейским аппаратом советского государства⁵⁹.

«Самым выдающимся и информативным американским исследованием», по мнению Ричарда Бидлака⁶⁰, является книга знаменитого американского журналиста Гаррисона Солсбери «900 дней: осада Ленинграда», которая была опубликована в США в 1969 г. и стала бестселлером⁶¹. Привожу здесь в первую очередь мнение американского историка потому, что в свое время советские историки, мягко выражаясь, пристрастно отнеслись к выходу книги Солсбери – определенно под давлением партийной номенклатуры. Это объясняет тот факт, что переведенная на русский язык и изданная в Нью-Йорке в 1980 г. книга Солсбери появилась в нашей стране только в середине 90-х годов⁶². На самом деле автор этой книги с большим сочувствием пишет о ленинградцах, пытается показать весь спектр их настроений в различные

⁵³ Там же. Р. 179.

⁵⁴ Werth Alexander. Russia at War. 1941–1945. London, 1964.

⁵⁵ Верт Александр. Россия в войне 1941–1945. М., 1967. С. 32.

⁵⁶ Там же. С. 230–231.

⁵⁷ Там же. С. 255.

⁵⁸ Goure Leon. The Siege of Leningrad. Stanford, 1962.

⁵⁹ См. об этом: Ломажин Н. А. Ленинград в блокаде. С. 18–19, 282–283.

⁶⁰ Бидлак Р. Рабочие ленинградских заводов в первый год войны. С. 168.

⁶¹ Salisbury Harrison. The 900 days: The Siege of Leningrad. New York, 1969.

⁶² Солсбери Гаррисон. 900 дней / пер. с англ. М., 1994.

периоды блокады, подчеркивая при этом, что доминирующими были патриотизм и готовность к самопожертвованию.

Будучи в годы Второй мировой войны корреспондентом агентства «Юнайтед Пресс Интернэшнл» в Советском Союзе, Гаррисон Солсбери вместе с группой американских журналистов посетил в феврале 1944 г. только что освобожденный от блокады Ленинград. С того времени он «заболел» ленинградской блокадой и стал активно искать и собирать о ней самые разные материалы. Работая над своей книгой четверть века, Солсбери создал яркое и глубокое произведение, и это следует признать нам, отечественным исследователям, пускай и с большим опозданием. «Думается, такие книги, как “900 дней”, не просто интересно читать сегодня, но и необходимо, – написал в предисловии к русскому изданию этой книги Алесь Адамович. – Ведь Солсбери уже тогда проделал то, что нам самим приходится и придется сделать: под мертвой маской Системы он отыскал, обнаружил живое – человека, его бессмертную душу, его не уходящую красоту – и показал это миру. А теперь показывает нам. Чтобы знали, где искать и что искать?»⁶³. И с этим нельзя не согласиться.

Хотя немецкие историки по сравнению со своими западными коллегами имели существенные преимущества в изучении истории блокады Ленинграда – наличие значительного комплекса документов, историческая наука в ФРГ в течение многих лет предпочитала не заниматься этой проблемой. Тема борьбы за Ленинград и последствий блокады не относилась к числу поощряемых и в ГДР. Переведенные на немецкий язык книги Д. В. Павлова «Ленинград в блокаде» и Гаррисона Солсбери «900 дней: Блокада Ленинграда», по свидетельству современного немецкого историка Герхарта Хасса, «на многие годы остались единственными источниками информации о том, что происходило по ту сторону кольца блокады, в каких ужасных условиях умерли от голода сотни тысяч горожан и какие тяжелые последствия на всю жизнь оставила блокада оставшимся в живых ленинградцам и военным»⁶⁴. Отсутствие исследовательской литературы о блокаде Ленинграда в немецкой историографии компенсировалось изданием большого количества документальных источников и мемуарной литературы⁶⁵. Особое значение для историков, занимающихся рассмотрением планов и попыток немецкого командования овладеть Ленинградом, имеют опубликованные в 1976 г. военным историком Георгом Мейером ежедневные записки главнокомандующего группы армий «Север» генерал-фельдмаршала Риттера фон Лееба с января 1941 по январь 1942 г. В отличие от послевоенных трудов немецких генералов в этой публикации, содержащей многочисленные ссылки на документы и историческую литературу, имеются указания на планы немецкого командования в случае захвата Ленинграда, а также информация о положении в осажденном городе, которой располагал главнокомандующий немецких войск⁶⁶. Выделяющаяся из мемуарной литературы книга Веранера Хаупта «Ленинград. 900-дневная битва. 1941–1944», воевавшего на Восточном фронте под командованием генерал-фельдмаршала Георга фон Кюхлера и генерал-полковника Георга Линдемманна, отличается стремлением его автора выйти за рамки личных воспоминаний и опереться на документы. Тем не менее отсутствие характеристики использованных источников и «зачастую очень субъективные оценки» автора, по мнению Герхарта Хасса, «не позволяют отнести его книги к разряду научной литературы»⁶⁷. Подводя итоги изучению блокады Ленинграда в немецкой историографии, он приходит к выводу о том, что обсто-

⁶³ Там же. С. 11.

⁶⁴ Хасс Герхарт. Немецкая историография блокады Ленинграда (1941–1944) // О блокаде Ленинграда в России и зарубежом / науч. ред. А. Р. Дзенискевич. СПб., 2005. С. 188.

⁶⁵ Там же. С. 180–196.

⁶⁶ Там же. С. 185.

⁶⁷ Там же. С. 187.

тельные исследования об осажденном Ленинграде, массовой гибели его населения от голода и стойкости ленинградцев в Германии «еще отсутствуют»⁶⁸.

В январе 1942 г. выпускник исторического факультета Ленинградского университета, участник обороны Ленинграда М. Б. Рабинович записал в своем дневнике с надеждой: «Будет же когда-нибудь написана история осады Ленинграда, где много героического и глупого, мужественного и трусливого»⁶⁹. Спустя многие годы он, уже известный историк, с горечью констатировал, что «настоящая книга о блокаде так и не появилась»⁷⁰. Академик Д. С. Лихачев вообще считал, что «правда о ленинградской блокаде никогда не будет напечатана»⁷¹. Другой известный блокадник, писатель Лев Успенский, веривший в 1942 г., что «когда-нибудь про время то, что нам в удел досталось... напишут люди много книг», одновременно выразил сомнение в том, что эти книги смогут передать правдиво блокадную жизнь ленинградцев:

Не им постигнуть то,
Что сам ты знаешь,
Как ты, мой современник,
Умираешь, как дышишь ты,
Что видишь, чем живешь⁷².

В самом деле, книг о блокаде Ленинграда написано теперь много, но и сегодня остается открытым поставленный блокадниками вопрос: можно ли вообще постигнуть то, что пришлось пережить тогда ленинградцам? И все же опубликованные в последние годы новые источники – документы, дневники, воспоминания – позволяют приблизиться к этому пониманию. И здесь велика ответственность историка, который не должен в угоду политической конъюнктуре перечеркнуть результаты достижений его предшественников, пренебречь одними источниками и проблемами в пользу других, более созвучных новому времени. Только объективное изучение всех известных на сегодня исторических источников приблизит нас к «горькой правде» о блокаде Ленинграда.

Мне как историку блокадного времени очень хочется верить, что когда-нибудь в нашей стране придут к пониманию очевидной для специалистов необходимости опубликовать все документы, имеющие прямое или косвенное отношение к истории обороны и блокады Ленинграда. Без этого вряд ли можно понять и объективно исследовать это уникальное явление в истории Второй мировой войны. Начать надо с публикации всех документов директивных органов, определявших судьбу Ленинграда. Необходимо также опубликовать документы из личного фонда А. А. Жданова, хранящегося в Российском государственном архиве социально-политической истории; документы Военных Советов Ленинградского и Волховского фронтов из Центрального архива Министерства обороны РФ; документы Ленинградских городского и областного комитетов партии из Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга; документы Ленинградского городского совета депутатов трудящихся и Ленинградской городской комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, хранящиеся в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга; документы Управления НКВД и НКГБ по Ленинграду и Ленинградской области, хранящиеся в архиве Управления Федеральной службы безопасности РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

⁶⁸ Там же. С. 197.

⁶⁹ Рабинович М.Б. Воспоминания долгой жизни. СПб., 1997. С. 494.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Лихачев Д. С. Воспоминания. Избранное. СПб., 1997. С. 494.

⁷² Литературный Ленинград в дни блокады. Л., 1973. С. 202.

В идеале это должны быть фондовые публикации, как это принято в мировой практике при изучении важнейших событий, а пока мы имеем несколько разрозненных тематических публикаций документов, выход каждой из которых зависел от политики КПСС в области идеологии и потому был связан с преодолением цензурных барьеров (разумеется, это в первую очередь относится к публикациям, вышедшим в советское время).

Первые сборники официальных документов, регламентировавших жизнь в осажденном Ленинграде, были изданы небольшим тиражом еще в годы войны и блокады. Это был «Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени», который вышел в трех выпусках в 1942–1945 гг.⁷³ В 1944 г. был опубликован первый том сборника документов и материалов «Ленинград в Великой Отечественной войне», подготовленный сотрудниками Ленинградского Института истории партии под редакцией С. И. Аввакумова. Хотя это издание состояло в основном из материалов ленинградской печати, в нем были и редкие документы, как, например, впервые опубликованные сведения о нормах выдачи хлеба населению Ленинграда в 1941–1943 гг.⁷⁴ Второй том этого сборника, подготовленный под редакцией К. Г. Шарикова и охватывавший события 1943–1944 гг., также затрагивал некоторые стороны жизни блокадного Ленинграда, хотя основное внимание в нем уделялось, как и в первом томе, деятельности Ленинградской партийной организации⁷⁵. Такой же характер носил и выпущенный в 1945 г. сборник «Ленинград дважды орденоносный»⁷⁶.

Можно утверждать, что партийное руководство Ленинграда во главе с А. А. Ждановым намеревалось дать этой публикаторской работе определенное направление, что видно из принятого 5 января 1944 г. решения Ленинградского обкома ВКП(б) о подготовке и издании сборника статей и материалов, освещающих опыт работы трудящихся Ленинграда за годы войны и блокады. Темы для этого сборника поручалось наметить А. А. Жданову, А. А. Кузнецову, Я. Ф. Капустину и П. С. Попкову⁷⁷. К сожалению, о судьбе этого так и не вышедшего из печати сборника можно строить только предположения. Скорее всего, он так и не был подготовлен, хотя нельзя исключать, что его материалы могли быть уничтожены в результате «Ленинградского дела».

В 1945 г. были опубликованы два важных документа – «Акт Ленинградской городской комиссии о преднамеренном истреблении немецко-фашистскими варварами мирных жителей Ленинграда и ущербе, нанесенном хозяйству и культурно-историческим памятниками города за период войны и блокады» и «Доклад об итогах расследования злодеяний и учета ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками Ленинграду». Созданная в мае 1943 г. под председательством А. А. Кузнецова Ленинградская городская комиссия, в которую наряду с партийными и советскими работниками вошли известные деятели культуры и науки, проделала огромную работу, обобщив данные от 6445 комиссий, созданных на предприятиях, в учреждениях и организациях. Эти данные нашли достаточно полное отражение в опубликованных в 1945 г. документах Ленинградской городской Комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, за исключением сведений о смертности населения от голода, хотя в представленном в Чрезвычайную государственную комиссию докладе об итогах расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков отмечалось, что «в результате голодной блокады в Ленинграде погибло 632 253 человека».⁷⁸ По-видимому, было решено, что сводные данные о смертности ленинградцев от голодной блокады должны были быть впер-

⁷³ Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1941–1944. Вып. 1–3. Л., 1942–1945.

⁷⁴ Ленинград в Великой Отечественной войне. Сб. документов и материалов. Т.1. Л., 1944. С. 119.

⁷⁵ Ленинград в Великой Отечественной войне. Сб. документов и материалов. Т.2. Л., 1947.

⁷⁶ Ленинград – дважды орденоносный. Л., 1945.

⁷⁷ Карасев А. В. Ленинградцы в годы блокады. 1941–1943. М., 1959. С. 7.

⁷⁸ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб.). Ф. 8557. Он. 7. Д.40.Л.35, 39.

вые оглашены на Нюрнбергском процессе, и в этом был определенный политический и психологический расчет: эти данные должны были стать обвинением Международного трибунала в адрес немецко-фашистских захватчиков, исключая другие толкования и сомнения.

К великому сожалению, сфабрикованное в 1949–1950 гг. «Ленинградское дело» не только прервало на многие годы начавшееся с таким трудом изучение истории обороны и блокады Ленинграда, но и привело к невосполнимой утрате многих ценных документов, материалов и экспонатов. В богатейшей коллекции печатных материалов «Ленинград в Великой Отечественной войне», собранной сотрудниками Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, из 50 тыс. различных материалов сохранилось менее половины – около 20 тыс.⁷⁹ Почти полностью были уничтожены экспонаты и фонды Музея обороны Ленинграда, созданного на основе выставки «Героическая оборона Ленинграда», открывшейся в апреле 1944 г. в Соляном городке и насчитывавшей более 10 тыс. поистине бесценных экспонатов⁸⁰. В фондах Музея обороны Ленинграда хранились материалы из личных архивов, дневники, письма, фотографии, личные вещи солдат и офицеров, партийных и советских работников и простых ленинградцев. Хотя экспонаты и фонды Музея обороны были в значительной степени утрачены, они запечатлелись в памяти всех, кто успел посетить Музей до закрытия, а это были сотни тысяч ленинградцев и гостей города. Замечательный путеводитель по Музею обороны Ленинграда, составленный его директором Л. Л. Раковым, арестованным после закрытия Музея, стал не только прямым обвинением тем, кто его уничтожил, но и важным историческим источником для изучения блокады⁸¹.

Перелистывая теперь страницы этого путеводителя, я оказался во власти собственных впечатлений от посещения музея вместе с моими одноклассниками в 1946 г. Прежде чем устремиться в здание Музея обороны Ленинграда, мы с большим любопытством стали рассматривать расположенные напротив него немецкие трофеи, среди которых были огромная пушка (если я не ошибаюсь, это была 420-мм мортира «Толстая Берта»), осадные орудия, танки «Тигр» и «Пантера», самоходные орудия «Фердинанд». Но больше всего, конечно, наше воображение поразило увиденное в самом музее: огромные карты-схемы, показывавшие, как проходила битва за Ленинград в различные периоды его обороны, красочные панно и портреты летчиков-героев Советского Союза М. П. Жукова, С. И. Здоровцева и П. Т. Харитонova и, конечно, личные вещи и оружие воинов. Не могли никого оставить равнодушными стенды, отражавшие борьбу с голодом. На одной из витрин экспонировались образцы продукции пищевой промышленности блокадного времени, рассказывалось об усилиях научно-исследовательских институтов по изысканию пищевых заменителей из промышленного сырья. Здесь посетители могли увидеть образцы разных блюд, приготовленных из ремней свиной кожи, снятых с текстильных машин. Особенно привлекал внимание макет ленинградской булочной с ее главным предметом – весами, на одной чаше которых находились 2 маленькие гирьки, а на другой – 125 г хлеба. Над весами расшифровка состава хлеба в декабре 1941 г.: мука ржаная дефектная – 50 %, соль – 10 %, жмых – 10 %, целлюлоза – 15 %, соевая мука, мучная пыль, древесные опилки – 5 %. Тем не менее некоторым посетителям показалось, что жизнь и быт блокированного Ленинграда могли бы быть представлены более ярко и открыто в своих деталях⁸². Теперь мне думается, что и здесь негласно присутствовала установка А. А. Жданова «не

⁷⁹ Ленинград в Великой Отечественной войне: каталог изданий, хранящихся в фондах Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Вып. 1. Л., 1971. С. IV; Соболев Г. Л. Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. Л., 1966. С. 139.

⁸⁰ Выставка «Героическая оборона Ленинграда»: очерк-путеводитель. М.; Л., 1945. С. 4–5.

⁸¹ Музей обороны Ленинграда: очерк-путеводитель. М.; Л., 1948. См. также: Шишкин А. А., Добротворский Н. П. Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда. Краткий исторический очерк. СПб., 2006.

⁸² На это обратил внимание в своей книге американский журналист Гаррисон Солсбери, посетивший Ленинград в 1944 г. (Солсбери Г. 900 дней. С. 593–594).

переборщить упадок». Зато представленная по соседству экспозиция, посвященная Ладожской Дороге Жизни, отличалась своим ярким оформлением – фотоснимки, диапозитивы, макеты показывали не прекращавшееся движение грузов по Ладоге во все времена года. Для Ладожского раздела были также изготовлены панорама трассы, панно и электрифицированная карта с обозначением ледовых трасс, наших зенитных батарей и огневых точек вражеских позиций.

И все же самые сильные впечатления оставляли реальные предметы жизни блокадного города. Я навсегда запомнил так поразивший меня в одном из залов разбитый прямым попаданием снаряда трамвай. К сожалению, его не пощадили, когда закрывали в 1949 г. Музей обороны Ленинграда: вывезли на свалку и уничтожили.

Заключительные залы Музея обороны Ленинграда были посвящены полному разгрому фашистских войск, державших непокорный город в блокаде почти 900 дней. В этом разделе посетители видели танк Т-34, участвовавший в прорыве блокады и уничтоживший у деревни Марьино три противотанковых орудия противника и затем первым ворвавшийся в Красное Село; 120-мм миномет шести братьев Шумовых из Сибири, выпустивших по противнику более 30 тыс. мин и уничтоживших более батальона фашистов, 9 вражеских дзотов, 24 пулемета и др. Характерно, что посещение Музея обороны Ленинграда врезалось в память многих ленинградцев, о чем можно судить и по воспоминаниям жителей блокадного Ленинграда.

Первой научной публикацией по истории обороны и блокады Ленинграда стал вышедший в 1966 г. сборник документов «900 героических дней», подготовленный ленинградскими архивистами совместно с сотрудниками Ленинградского отделения Института истории АН СССР⁸³. При подготовке этой публикации к печати составители оказались в трудном положении: во второй половине 60-х годов наступил очередной этап ужесточения и «идеологического зажима» в области общественных наук, и надеяться в этих условиях сделать достоянием гласности хотя бы некоторые из документов, находящихся на специальном хранении, не приходилось. Достаточно сказать, что за публикацию в сборнике Приказа главнокомандующего Северо-Западным направлением К. Е. Ворошилова об организации обороны Ленинграда от 20 августа 1941 г. директор Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинграда Х. Х. Камалов был уволен. А все дело было в 10-м пункте этого приказа, который гласил: «Вооружить рабочие батальоны винтовками, охотничьими ружьями, пулеметами, ппд, гранатами, бутылками с горючей смесью, а также холодным оружием, саблями, кинжалами, пистолетами и др.»⁸⁴. Те, кто определял, что можно писать об этом, не хотели, чтобы правда о реальном положении с вооружением в ополчении и рабочих батальонах стала достоянием печати. Вряд ли поэтому стоит удивляться, что из более чем 3 тыс. выявленных к публикации документов в сборник «900 героических дней» вошли только 127⁸⁵. Составителям пришлось пойти по пути отбора и включения в состав сборника в первую очередь документов отчетного характера – докладов, докладных записок и отчетов за довольно длительные промежутки времени, иногда даже за весь период блокады. В результате были впервые опубликованы сведения Ленинградской городской эвакуационной комиссии об эвакуации населения из Ленинграда за период с 29 июня 1941 г. по 1 апреля 1943 г.; докладная записка А. А. Жданова в Государственный Комитет Обороны о результатах эвакуации из Ленинграда промышленных предприятий (октябрь 1943 г.); сводные материалы о военной работе в Ленинграде с начала Великой Отечественной войны по октябрь 1943 г.; отчет о работе местной противовоздушной обороны Ленинграда за 1941–1944 гг.; извлечение из отчета Ленгорплана «Ленинград в период войны и блокады» о снабжении города продовольствием, топ-

⁸³ 900 героических дней. Сб. документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. / ред. коллегия: Х.Х. Камалов, В. М. Ковальчук (отв. ред.), Ю. С. Токарев; сост. Х. Х. Камалов, Р. В. Серднак, Ю. С. Токарев. М.: Л., 1966.

⁸⁴ Там же. С. 54–55.

⁸⁵ Там же. С. 9.

ливом, электроэнергией, о работе транспорта и бытовом обслуживании населения за период с июля 1941 г. по январь 1943 г.; докладная записка отдела торговли Ленгорисполкома о торговле в Ленинграде за период с 1 июля 1941 г. по 1 июля 1942 г.; докладная записка о развитии сельского хозяйства и огородничества в Ленинграде за период войны; отчет о работе здравоохранения Ленгорисполкома за период с 1 июля 1941 г. по январь 1943 г. и др.

Констатируя ценность помещенных в сборнике «900 героических дней» отчетных материалов, вместе с тем нельзя не заметить, что они датированы, как правило, 1943 годом, и в них заметно стремление их авторов исходить в оценках событий и фактов из установки ленинградского руководства «не переборщить упадок». Проблема смертности в этих материалах, даже в отчете отдела здравоохранения Ленгорисполкома, присутствует в самом общем виде. Отчет о работе по охране здоровья детей от 26 июня 1943 г. начинается с неуместной риторики: «Забота о детях в Ленинграде за годы Великой Отечественной войны – это одна из блестящих страниц в истории обороны Ленинграда. Это – одно из самых ярких доказательств неусыпного внимания партии и правительства к детям, к нашей замечательной смене»⁸⁶. И весь отчет подогнан под этот тезис. В отчете отдела народного образования о работе ленинградских школ в 1941/1942 учебном году специально подчеркивалось, что «ленинградские городские организации, лично т. Жданов чрезвычайно внимательно относились к нуждам учащихся», которые «в течение двух месяцев получали суп без вырезки талонов из продовольственных карточек, несмотря на тяжелое положение с продовольствием в городе». И далее мимоходом констатировалось, что «за зимний период в связи с холодами, голодом и истощением происходил отсев из школ...»⁸⁷. И ни слова о самой смертности.

Наконец, следует особо сказать о двух документах, опубликованных составителями из фонда Ленинградской городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. Это, во-первых, сведения о жертвах среди населения от артобстрелов, бомбардировок и голодной блокады, установленные на май 1945 г. по 15 районам Ленинграда и по Колпино и Кронштадту⁸⁸.

Сведенные в таблицу по районам города, эти данные показывают, как получилась общая цифра потерь населения от голода в 632 253 человека. А получилась она путем механического сложения представленных районными комиссиями сведений о 440 826 погибших от голода и 191 427 персонально установленных по централизованному учету отдела актов гражданского состояния. Сложение этих разнородных данных дает основание считать полученную таким образом общую цифру потерь населения Ленинграда от голода достаточно условной. Изучая в свое время материалы Ленинградской городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, я неоднократно встречал многочисленные акты о смерти ленинградцев от голода, поступавшие в эту комиссию в 1945, 1946 и даже в 1947 г. И эти акты учитывались Ленинградской городской комиссией, которая на своих заседаниях периодически пересматривала общую цифру потерь в сторону ее увеличения⁸⁹. В силу многих причин, и прежде всего вследствие того, что в тяжелых условиях блокады не было возможности вести точный учет умерших от голода, утраты в бомбежках и артобстрелах документации, отсутствия сведений о гибели целых семей и родственников многих тысяч ленинградцев, не возвратившихся из эвакуации, данные районных комиссий в 1945 г. не могли быть исчерпывающими. Достаточно сказать, что даже в 1947 г. в Городскую комиссию поступали заявления от демобилизованных военнослужащих, у которых погибли семьи в период блокады. Установить в тех условиях, погиб тот или иной человек в блокированном Ленинграде или он находился

⁸⁶ Там же. С. 357.

⁸⁷ Там же. С. 362.

⁸⁸ Там же. С. 397–398.

⁸⁹ ЦГА СПб. Ф. 8557. Оп. 7. Д. 39. Л. 2.

в эвакуации, было не всегда возможно. Именно поэтому в более поздних материалах Ленинградской городской комиссии можно обнаружить другие данные о смертности ленинградцев в годы блокады. Однако, как явствует из опубликованной в сборнике «900 героических дней» выписки из протокола заседания Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников от 15 июня 1945 г., эта Комиссия, рассмотрев предоставленные Ленинградской городской комиссией 130 265 актов об ущербе, причиненном гражданам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям, и на основании материалов о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками, установила:

«1. За 900 дней беспримерной осады Ленинграда и во время оккупации его пригородов немецко-фашистские захватчики и их сообщники чинили чудовищные злодеяния и зверства над мирным населением. Они сбросили с самолетов 107 тыс. фугасных и зажигательных бомб и выпустили по Ленинграду 150 тыс. тяжелых артиллерийских снарядов. Гитлеровцы убили и замучили 29 721 мирного советского гражданина, ранили 33 782 мирных жителя, угнали в немецкое рабство 48 751 советского гражданина. В результате блокады умерло от голода 641 803 чел.»⁹⁰ Далее шли еще четыре пункта этого постановления, раскрывавшие огромный ущерб, нанесенный промышленности и транспорту Ленинграда, его культуре и науке. Но главное содержалось в процитированном выше первом пункте, а оглашенные в нем данные не подлежали теперь уже пересмотру.

Следующий сборник документов о блокаде Ленинграда появился только спустя 30 лет после выхода из печати сборника «900 героических дней». Новый сборник документов «Ленинград в осаде»⁹¹ готовился и издавался в совершенно иной политической обстановке в стране, и это самым благотворным образом отразилось на его качестве и научном уровне публикации в целом. «Высоко оценивая важность архивных источников, мы хотели бы дать современнику полную картину обороны Ленинграда в документах, – писали во введении составители. – Но для этого потребовалась бы целая серия томов. Такой возможности мы не имеем. Мы вынуждены ограничиться более скромной целью – расширить представление читателя о драматической и героической странице истории нашего города. Эта задача в настоящее время вполне выполнима. Рассекречивание значительной части архивных фондов дало возможность сотрудникам пяти крупнейших архивов города и области собрать комплекс в подавляющем большинстве не опубликованных ранее документов»⁹². Сотрудники этих пяти архивов заслуживают здесь быть названными поименно: Т. П. Бондаревская, И. И. Сазонова, Н. И. Шульгина (Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга), М. А. Антифеева, Н. Ю. Черепенина, М. В. Шкаровский (Центральный государственный архив Санкт-Петербурга), П. А. Иванкин, Н. Ф. Фомичева (Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга), А. К. Бонитенко (Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга), И. Б. Лозинская (Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге) и сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН Е. М. Балашов⁹³.

Почти 230 ценнейших документов, сгруппированных составителями по тематическому принципу в девяти разделах сборника, действительно весьма существенно расширяют и углубляют наши представления о самых разных сторонах обороны и блокады Ленинграда. Не имея здесь возможности дать хотя бы краткую характеристику всех документов, к которым мы будем

⁹⁰ 900 героических дней. Сб. документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. С. 399.

⁹¹ Ленинград в осаде. Сб. документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1945.

⁹² Там же. С. 4–5.

⁹³ Там же. С. 25.

неоднократно обращаться далее, хотелось бы в первую очередь сказать о документах, представленных в разделе «В тисках голода» – о продовольственном снабжении и транспортных коммуникациях осажденного города, а также в разделе «Все шире братские могилы...» – о смертности, болезнях и эвакуации ленинградцев. Особо выделим здесь публикуемую секретную «Информационную записку о хлебных ресурсах Ленинграда», в которой детально показано состояние хлебных запасов города в канун войны и в первое военное полугодие, и «Отчет Городского отдела торговли о работе с июня 1941 по сентябрь 1943 г.», обстоятельно подготовленный его заведующим И. А. Андреевским. С публикацией в сборнике раздела «Похоронное дело» из отчета городского управления предприятиями коммунального обслуживания за первый год войны исследователи наконец получили в свое распоряжение полный отчет треста «Похоронное дело» и, что немаловажно, возможность ссылаться на этот засекреченный многие годы документ. Соглашаясь с составителями в том, что на сегодня это единственный документ, в котором, хотя и с оговоркой на возможное завышение, но дается общая цифра захороненных и кремированных, вместе с тем не могу не выразить недоумения, почему составители не сочли необходимым отметить в комментариях к этому документу тот факт, что эти «единственные официальные данные о числе захоронений» уже давно были введены в научный оборот историками⁹⁴.

В заключительный раздел «Следы войны. Последствия осады» вошло всего пять документов, из них два – уже опубликованные: извлечение из Акта Ленинградской городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских преступников и их сообщников об ущербе, причиненном Ленинграду войной и блокадой, а также сведения этой комиссии о числе погибшего в Ленинграде населения. Хотя, конечно, в этот раздел могли бы быть включены и другие важные и ранее не публиковавшиеся документы. Например, в фонде Ленинградской городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских преступников хранятся выделенные в отдельный том «Именные списки видных деятелей Ленинграда, погибших во время войны и блокады»⁹⁵. Эти списки интересны еще и тем, что в них попали имена только наиболее известных писателей, ученых, композиторов, художников, артистов и др. Так, Ленинградский университет представил в Городскую комиссию список, состоявший из 6 погибших во время блокады видных ученых, в то время как за войну и блокаду университет потерял более 30 профессоров и почти 70 доцентов⁹⁶.

Сборник документов «Ленинград в осаде» заслуженно получил высокую оценку научной общественности и на конкурсе научных работ Росархива в области архивоведения, документоведения и археографии, в 1996 г. ему было присуждено первое место. Изданный тиражом в 5 тыс. экземпляров, сборник стал к настоящему времени уже библиографической редкостью, и, конечно, хорошо было бы его переиздать в расширенном составе документов. Но кто же сегодня даст деньги для переиздания самой представительной публикации документов о блокаде Ленинграда?

Подтверждением тому, что фонды Санкт-петербургских архивов по истории обороны и блокады Ленинграда далеко не исчерпаны, служит недавняя новая публикация документов Н. Ю. Черепениной⁹⁷. Среди этих документов, на мой взгляд, следует выделить справку Управления милиции г. Ленинграда и области председателю Ленгорисполкома П. С. Попкову о возврате домовых книг в домохозяйства от 9 февраля 1942 г. и справку Управления милиции

⁹⁴ См. например: Ковальчук В.М., Соболев Г. Л. Ленинградский «реквием» (о жертвах населения Ленинграда в годы блокады). С. 193–194.

⁹⁵ ЦГА СПб. Ф. 8557. Оп. 6. Д. 1066.

⁹⁶ Соболев Г. Л., Ходяков М.В. Университетский мученик: будет ли он закончен? // Санкт-Петербургский университет. 2010. № 7. С. 10–12.

⁹⁷ Новые архивные документы / вступ. ст., сост. и комм. Н. Ю. Черепениной // О блокаде Ленинграда в России и за рубежом. Источники, исследования, историография / науч. ред. А. Р. Дзенискевич. СПб., 2005. С. 11–13.

г. Ленинграда о результатах проверки домовых книг от 5 июня 1942 г.; справку о численности населения городов Ленинграда, Кронштадта и Колпино от 31 июля 1942 г., подписанную председателем Исполкома Ленгорсовета П. С. Попковым и начальником Управления НКВД по Ленинграду и области П. Н. Кубаткиным; справку Ленинградского городского отдела актов гражданского состояния о количестве смертей в Ленинграде в 1942 г. и общие итоги естественного движения населения Ленинграда за 1942 г.; обзор деятельности милиции г. Ленинграда за 1941–1943 гг.⁹⁸ и др.

Вследствие малого тиража остался почти незамеченным выход в 1996 г. многострадального сборника документов и писем «Университет в блокадном и осажденном Ленинграде 1941–1944»⁹⁹. В течение многих лет авторы этой книги, бывшие сотрудники Ленинградского университета, оставленные в осажденном городе после его эвакуации в феврале 1942 г. для сохранения научных и культурных ценностей, боролись за ее издание и в конце концов победили. Каждый, кто найдет эту книгу и ознакомится с нею, согласится, что она важна не только для истории Ленинградского – Санкт-Петербургского университета, но и для ответа на принципиальный вопрос, почему Ленинград выстоял и победил.

В 2000 г. в издательстве «Европейский дом» тиражом всего 300 экземпляров вышла уникальная книга – «В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб и НКВД», подготовленная Н. А. Ломагиным. Автор и составитель этой публикации провел огромную исследовательскую работу по поиску и изучению новых источников в отечественных и зарубежных архивах, в результате которой им были введены в научный оборот документы из Национального архива США, Центра хранения историко-документальных коллекций (бывший Особый архив), архива Управления Федеральной службы безопасности РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. В книге «В тисках голода» опубликовано около 40 наиболее важных «спецсообщений» о настроениях ленинградцев в период осени и зимы 1941–1942 гг., содержащихся в специальном томе материалов Управления НКВД «Сообщения о продовольственном положении г. Ленинграда, смертности населения и преступлениях на почве продовольственных затруднений».¹⁰⁰

Более полный состав «спецсообщений» Управления НКВД по Ленинградской области содержится во второй книге Н. А. Ломагина «Неизвестная блокада», вышедшей в 2002 г. в издательстве «ОЛМА-ПРЕСС» тиражом в 5 тыс. экземпляров¹⁰¹. Ценность этих специфических документов состоит, по моему мнению, прежде всего в том, что, предназначенные для «внутреннего использования», они, как правило, более объективно отражали настроения различных слоев населения блокированного Ленинграда – рабочих, инженеров, ученых, деятелей культуры и искусства, домохозяек. Разумеется, эти документы требуют критического подхода и соотнесения с другими источниками, но несомненно одно: они дают новое измерение жизни осажденного города. Вместе с тем не следует и преувеличивать значение этого источника, и здесь я не соглашусь с мнением Н. А. Ломагина, который пишет: «Наверное, ни один другой источник не может обеспечивать такой репрезентативности, как документы НКВД»¹⁰².

В своих публикациях Н. А. Ломагин ввел в научный оборот и другой важный комплекс документов – материалы немецких разведывательных служб – службы безопасности СД и военной разведки¹⁰³. Не принимать во внимание этот источник нет разумных оснований, поскольку немецкая разведка получала информацию о положении в блокированном Ленин-

⁹⁸ Там же. С. 25–26, 31–32, 34–35, 41–49.

⁹⁹ Университет в блокадном и осажденном Ленинграде 1941–1944. Сб. документов и писем / под ред. М. А. Шишкина. СПб., 1996.

¹⁰⁰ Ломагин Н. А. В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб и НКВД. С. 1–42.

¹⁰¹ Ломагин Н. А. Неизвестная блокада. Кн. 2. Документы, приложения. М., 2002.

¹⁰² Там же. Кн. 1. С. 64.

¹⁰³ Ломагин Н. А. В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб и НКВД. С. 37–141.

граде на основе анализа самых разных источников – трофейных советских документов, данных радиоперехвата, допросов военнопленных и перебежчиков, а также через свою агентуру.

Как это ни покажется удивительным, но вплоть до начала XXI в. отсутствовали специальные документальные публикации о помощи страны блокированному Ленинграду, хотя отдельные документы об этом и помещались в различных сборниках начиная еще с военного времени. Этот существенный пробел теперь восполнен изданием в 2002 г. сборника документов «Страна – Ленинграду. 1941–1945», подготовленного научными сотрудниками Санкт-Петербургского Института истории РАН совместно с работниками петербургских архивов¹⁰⁴. Наряду с присутствием в сборнике материалов центральной, ленинградской и местной печати в нем представлены важные новые документы из фондов Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга, Центрального государственного архива Санкт-Петербурга и Центрального государственного архива литературы и искусств Санкт-Петербурга. Публикуемые в этом сборнике документы убедительно свидетельствуют о том, что Ленинград не был оставлен на произвол судьбы, как считают некоторые зарубежные и отечественные авторы. Эти документы показывают, что помощь и внимание всей страны к осажденному Ленинграду стали важным моральным фактором в борьбе ленинградцев за свой город.

В последние годы появился ряд публикаций документов об обороне Ленинграда в центральных журналах и издательствах. В помещенной в 2003 г. в «Историческом архиве» подборке документов, посвященной 300-летию юбилею Санкт-Петербурга, был опубликован 21 документ Государственного Комитета Оборона СССР, имеющий непосредственное отношение к обеспечению жизнедеятельности Ленинграда в 1941–1945 гг.¹⁰⁵ В том же году вышла книга Н.Я.Комарова и Г. А. Куманева «Блокада Ленинграда: 900 героических дней. 1941–1944», в которой был опубликован ряд новых документов о блокированном Ленинграде¹⁰⁶. В 2004 г. сотрудники Института военной истории выпустили сборник документов «Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов»¹⁰⁷. Составителям сборника, вероятно, в силу принадлежности к Министерству обороны РФ, оказались намного доступнее фонды Ставки Верховного Главнокомандования и Генерального штаба, фонды Ленинградского и Волховского фронтов, хранящиеся в Центральном архиве Министерства обороны РФ. В результате им удалось опубликовать многие важные документы – директивы, приказы, распоряжения и указания Верховного Главнокомандующего, Государственного Комитета Оборона, Ставки ВГК и Генерального штаба по вопросам обороны Ленинграда. Интерес специалистов к этому сборнику в значительной степени усиливался его интригующим названием. Действительно, в него включен целый ряд важных и интересных документов из рассекреченных фондов, но в нем помещены и многие документы, уже опубликованные и имеющие отношение прежде всего к различным сторонам жизни блокированного Ленинграда. В этом, конечно, нет ничего предосудительного, но факт их публикации следовало оговорить в комментариях. Составители же ограничились ссылками на первоисточник, невольно создав впечатление, что все документы, содержащиеся в сборнике, публикуются впервые. Тем не менее хочу еще раз подчеркнуть важное значение опубликованных в сборнике Института военной истории документов для изучения истории битвы за Ленинград.

¹⁰⁴ Страна – Ленинграду. 1941–1945. Сб. документов / ред. коллегия: В. М. Ковальчук (отв. ред.), И. П. Бабурин, Т. А. Зернова, В. Н. Плешков, Д.И.Петрикеев; сост. Л. И. Ильина, В. М. Ковальчук, А. П. Купайгородская, Р. В.Серднак. СПб.; Кишинев, 2002.

¹⁰⁵ «Государственный Комитет Оборона постановляет...». Директивные документы ГКО СССР по обеспечению жизнедеятельности Ленинграда 1941–1945 гг. // Исторический архив. 2003. № 2.

¹⁰⁶ Комаров Н. Я., Куманев Г. А. Блокада Ленинграда: 900 героических дней. 1941–1944. Исторический дневник. Комментарии. М., 2004.

¹⁰⁷ Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / под ред. Н. Л. Волковского. М.; СПб., 2005.

Отмечая несомненные достижения в последние годы в публикации документов по истории обороны и блокады Ленинграда, вместе с тем нельзя не признать, что многие важные документы Государственного Комитета Обороны, Совнаркома СССР, ЦК КПСС, НКВД, имеющие непосредственное отношение к обороне Ленинграда, все еще остаются на секретном хранении или находятся в ведомственных архивах, доступ в которые исследователям практически закрыт. Показательно, что все еще не опубликован полный состав приказов, решений и распоряжений Военного совета Ленинградского фронта, хранящийся в Центральном архиве Министерства обороны. До сих пор так и не издан сборник документов по обороне Ленинграда, который планировался в серии «Русский архив. Великая Отечественная».

Среди источников, которые помогают приблизиться к пониманию непостижимой, по мнению многих блокадников, психологии поведения и выживания ленинградцев в экстремальных условиях блокады, особое место занимают их дневники. Как теперь выясняется, в период первой блокадной зимы многие ленинградцы стали вести дневники, которые, к сожалению, далеко не все сохранились. В архиве О. Ф. Берггольц, например, была объемистая папка «Выписки из дневников», в которой находились перепечатанные на машинке выдержки из блокадных дневников самых разных людей – учителей, врачей, шоферов, партийных и советских работников¹⁰⁸. Наиболее крупная коллекция дневников блокадного времени находится в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга. Хранятся блокадные дневники в Музее обороны и блокады Ленинграда, в Российской Национальной библиотеке и даже в Архиве Большого Дома. Конечно, блокадные дневники остались и в семьях тех, кто их вел, о чем можно судить по публикациям последнего времени. Здесь приходится опять констатировать, что вплоть до середины 80-х годов издание блокадных дневников носило строго ограниченный властями характер, так как содержащийся в них «негатив» мог, по их мнению, повредить созданной героической картине жизни в блокированном Ленинграде. Ярким примером такого отношения стала получившая широкий общественный резонанс «Блокадная книга» А. Адамовича и Д. Гранина, в первом издании которой цензура потребовала изъять десятки интервью с блокадниками и записей из дневников.

Начиная вести блокадные дневники, их авторы вольно или невольно задумывались над их предназначением – одни адресовали их истории, другие писали для себя. «Я веду как музейную работу ежедневный дневник с 22 июня. Записи делаются все подробнее и детальнее, – отмечал зимой 1941–1942 г. научный сотрудник Музея истории и развития Ленинграда А. А. Черновский. – Уцелею ли – не знаю, но дневник этот – документ для истории города ценный, он (конечно, с долей субъективности) отражает эти исключительные дни. Если я доживу, я хотел бы участвовать в его расшифровке, в написании примечаний»¹⁰⁹. Увы, А. А. Черновский умер от истощения в мае 1942 г., оставив для истории свой дневник, хранящийся теперь в архиве. Школьный инспектор Л. К. Заболотская, размышляя о назначении своих дневниковых наблюдений и переживаний, писала: «Я часто думаю о том, то ли я пишу в дневнике, что нужно. Ведь завела я его не для излияния чувств. У меня достаточно друзей, с которыми я всегда могу поделиться. Я пишу дневник потому, что я выполняю одно из заданий райкома – пишу, чтобы помочь в будущем восстанавливать историю обороны Ленинграда. Но я чувствую, что в моем дневнике больше чувств, чем фактов. А с другой стороны, думаю, что писать в дневнике надо то, что человеку хочется писать. Только тогда он может быть искренним, а это неременное условие ведения дневника. А, кроме того, мне кажется, что и чувства рядового ленинградца (а

¹⁰⁸ Об этом см.: Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга. Л., 1984. С. 332.

¹⁰⁹ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб). Ф.4000. Оп. 11. Д. 18. Л. 68.

мои чувства и мысли большинства) тоже интересны для истории и что люди, которых, может быть, не всегда полно я показываю в нем, тоже интересны для истории»¹¹⁰.

Директор Архива Академии наук СССР, профессиональный историк Г. А. Князев в своем уникальном дневнике «Дни великих испытаний», выдержки из которого были впервые опубликованы в «Блокадной книге» А. Адамовича и Д. Гранина, методично фиксировал все, что так или иначе было связано с бытом, поведением и настроениями жителей осажденного города, не скрывая при этом и собственных переживаний. «Я прислушиваюсь, всматриваюсь, вдумываюсь во все окружающее меня, – записал он 24 октября 1941 г. – Я улавливаю биение пульса кругом и стараюсь передать, как бьется мой пульс, как я воспринимаю, переживаю события, как они переживаются другими...»¹¹¹. Это стремление уловить «биение пульса кругом» помогало Г. А. Князеву переносить нараставшие с каждым днем блокады трудности, заражаться оптимизмом и надеяться на лучшее.

И все же подавляющая часть тех, кто вел дневники в осажденном Ленинграде, делала в них сокровенные записи прежде всего для себя, а не для истории. Это были и военные, и сугубо гражданские лица, партийные и советские работники, писатели и ученые, инженеры и журналисты, учителя и школьники, сотрудники музеев, архивов и библиотек, домохозяйки и пенсионеры. Без их дневников нельзя адекватно представить блокадную повседневность и понять психологию выживания в то героическое и трагическое время. В условиях, когда самым опасным союзником осадивших Ленинград немецко-фашистских захватчиков стал голод, дневник, по меткому выражению Н. Б. Роговой, «стал выполнять функцию не только морального пристанища для обессиленного человека, загнанного в безвоздушное пространство аномального существования в мире, где смерть караулит каждого, – он становился “на караул” против самой смерти. Он был опорой на краю той “могилы, куда с ужасом заглянул каждый”»¹¹². Шестнадцатилетняя школьница Елена Мухина, оставшись после смерти матери в феврале 1942 г. совершенно одна, могла довериться только своему дневнику, общаясь и обращаясь к нему за советом и помощью. «Милый мой бесценный друг, мой дневник. Только ты у меня и есть, мой единственный советчик. Тебе я поведаю все мои горести, заботы, печали. А от тебя прошу лишь одного: сохрани мою печальную историю на своих страницах, а потом, когда это будет нужно, расскажи обо всем моим родственникам, чтобы они все узнали, конечно, если они этого пожелают»¹¹³.

Блокадные дневники надо читать внимательно, день за днем, не упуская и не пропуская ничего, но и ничего не додумывая за автора, и только тогда возникает реальная картина жизни в осажденном городе в ее повседневных проявлениях, приходит понимание того, что пришлось вынести ленинградцам. Минувло уже более двадцати лет с того времени, как я с огромным интересом прочитал только что опубликованный тогда блокадный дневник известного ученого-востоковеда А. Н. Болдырева¹¹⁴, но и сегодня я не могу без волнения читать эту исповедь. Начав свою «Осадную запись» в декабре 1941 г.,

А. Н. Болдырев день за днем фиксировал не только происходившие события, но и тончайшие психологические наблюдения за переживаниями терзаемого голодом человека, обремененного постоянной заботой о своих родных и близких. Вместе с пронзительно откровенными

¹¹⁰ Человек в блокаде. Новые свидетельства / отв. ред. В. М. Ковальчук. СПб., 2008. С. 140.

¹¹¹ Князев Г. А. Дни великих испытаний. Война с Германией. Впечатления на моем малом радиусе. Дневники 1941–1945 гг. СПб., 2009. С. 256.

¹¹² Рогова Н. Б. Боль, мужество и долг. Они спасали книги // Жизнь и быт блокированного Ленинграда. Сб. научных статей. СПб., 2010. С. 252.

¹¹³ «...Сохрани мою печальную историю...». Блокадный дневник Лены Мухиной / отв. ред. В. М. Ковальчук; сост. В. М. Ковальчук, А. И. Рупасов, А. Н. Чистиков; вступ. статья С. В. Ярова. СПб., 2011. С. 259.

¹¹⁴ Болдырев А. Н. Осадная запись. (Блокадный дневник) / подг. к печати В. С. Гарбузова, И. М. Стеблин-Каменский. СПб., 1998.

записями об изнурительной «битве» автора за выживание и тяжких переживаниях, «падениях духа», вызванных унижительными поисками дополнительного куска хлеба и тарелки супа, дневник содержит ценные сведения о самых разных сторонах блокадной жизни. Сам А. Н. Болдырев считал, что «эти записи – самое и единственное творческое» из того, что ему приходилось делать во время блокады¹¹⁵. Занося в свой дневник различные «мелочи», он надеялся, что «с кучей мусора будет зацеплено и ценное», верил, что «эта Запись есть дело большое, есть подлинный, правдивый свидетель времен неповторимых и когда-нибудь будут заслушаны ее показания»¹¹⁶. Это «когда-нибудь» наступило только спустя 50 лет, и в этом нет ничего удивительного, поскольку дневники в силу многих причин и обстоятельств, а часто и по воле их авторов, становятся достоянием истории и историков по истечении длительного времени.

Конечно, далеко не все, что чувствовали, переживали и видели, и тем более думали блокадники, они решались заносить в свои дневники: это было небезопасно, и потому почти автоматически срабатывала самоцензура. Некоторые события и факты приходилось даже излагать эзоповым языком. Так, свои вызовы в Большой дом, где размещалось Управление НКВД, А. Н. Болдырев зашифровал в своем дневнике как «глупейший рассказ некоего Шевчика “Две поездки в Большой Дом”», прибегнув при этом к английскому языку¹¹⁷. В том, что вести дневники даже в то трагическое время было опасно, мы теперь убеждаемся сами, знакомясь с целым рядом опубликованных в наше время блокадных дневников, авторы которых были тогда арестованы за «антисоветскую агитацию» и «контрреволюционную пропаганду», вещественным доказательством которых и стали их дневники, найденные при обыске.

Один из первых таких документов был напечатан в 1996 г. в журнале «Вопросы истории» – дневник И. И. Жилинского, начальника плано-аналитического отделения Управления дорожного строительства Октябрьской железной дороги, арестованного за «контрреволюционную пропаганду»¹¹⁸. При обыске на квартире Жилинского, проживавшего в Новой Деревне, в деревянном доме по Школьной улице, был изъят и его дневник, в котором следователь обнаружил «крамольные высказывания» и приобщи́л его к делу. В действительности же в дневнике Жилинского отражена прежде всего его повседневная борьба за выживание, состоявшая из поисков и добывании пищи; из долгого простаивания в многочасовых очередях за хлебом и другими продуктами питания, которые полагались по карточкам, но далеко не везде оказывались в магазинах. Настроения «осточертелой голодной жизни» выплескивались из дневников в разговоры в очередях за продовольствием, на работе, становились известными органам НКВД и служили для последних основанием для обвинения распространителей таких настроений в «контрреволюционной пропаганде» и «антисоветской агитации». Разумеется, таким образом пострадал не один И. И. Жилинский. Похожая судьба постигла и других авторов блокадных дневников. В 2004 г. в серии «Архив Большого Дома» были изданы дневники ленинградского учителя

А. И. Винокурова, расстрелянного в марте 1943 г. за «контрреволюционную антисоветскую агитацию» и за «пораженческие взгляды в войне СССР с Германией»¹¹⁹, и старшего бухгалтера Ленинградского института легкой промышленности Н. П. Горшкова, приговоренного к 10 годам лишения свободы за «антисоветскую агитацию среди своих знакомых»¹²⁰. Сам же Горшков настаивал, что изъятый у него во время обыска дневник служит доказательством того, что он «никогда не был антисоветски настроенным человеком»¹²¹. Читая сегодня дневник Н.

¹¹⁵ Там же. С. 343.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Там же. С. 39.

¹¹⁸ Жилинский И. И. Блокадный дневник // Вопросы истории. 1996. № 5–6. С. 7–8.

¹¹⁹ Архив Большого Дома. Блокадные дневники и документы / сост. С. К. Бернев, С. В. Чернов. СПб., 2004. С. 236–237.

¹²⁰ Там же. С. 14.

¹²¹ Там же. С. 15.

П. Горшкова, убеждаешься в глубокой правоте его автора, утверждавшего, что его наблюдения и переживания он записывал для себя. Но теперь оказалось, что и для истории: не пропустив в своем дневнике ни одного дня блокады (!), отмечая в нем не только «негатив» зимы 1941–1942 г., но и все изменения к лучшему, Горшков показал, как приходила постепенно надежда на избавление от вражеской блокады, как нарастали эти ожидания, как улучшался быт, и с ним – настроения ленинградцев. Каждый день Горшков педантично описывал состояние погоды, фиксировал продолжительность обстрелов и бомбежек, и этими ценными сведениями я с благодарностью к автору дневника воспользовался в документальной части моей книги.

Среди блокадных дневников выделяются своим публицистическим характером дневники ленинградских писателей, которые с самого начала обращались в них к читателю¹²². В. В. Вишневский в «Дневнике военных лет» писал о необходимости «сохранить для истории наши наблюдения, нашу сегодняшнюю точку зрения участников. Ведь через год, через десять лет – с дистанции времени будет виднее. Возможно, будет иная точка зрения. Оставим же внукам и правнукам свой рассказ»¹²³. И многие ленинградские писатели оставили для истории свои рассказы о блокадной жизни: В. М. Инбер – «Почти три года. Ленинградский дневник»; П. Н. Лукницкий – «Ленинград действует..»; В. М. Саянов – «Ленинградский дневник»; П. И. Капица – «Блокадные дневники, прочитанные сегодня» и др. Наконец, совсем недавно, в 2010 г., был опубликован «Запретный дневник» О. Ф. Берггольц, которая, по выражению Д. А. Гранина, «стала символом, воплощением героизма блокадной трагедии». Читая «Запретный дневник», особенно понимаешь, что это чистая правда, а не красивая метафора. Такая же правда и в самом дневнике О. Ф. Берггольц, которая не посвящала в него даже самых близких ей людей. «Как хорошо, что я – не орденосеиц, не лауреат, а сама по себе, – записала она 12 апреля 1942 г. – Я имею возможность не лгать, или, вернее, лгать лишь в той мере, в какой мне навязывают это редакторы и цензура, а я и на эту ложь, собственно говоря, не иду»¹²⁴.

Большую работу по выявлению, изучению и публикации блокадных дневников ведут в последние годы научные сотрудники Санкт-Петербургского института истории РАН. В рамках проекта «Ленинградская блокада без купюр и ретуши» был издан целый ряд сборников – «Человек в блокаде. Новые свидетельства», «Доживем ли мы до тишины? Записки из блокадного Ленинграда», «Я не сдамся до последнего...»¹²⁵. Опубликованные в них действительно новые и содержательные дневники хранились не только в фонде воспоминаний и дневников Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга, но и в семейных архивах (дневник театрального художника А. А. Грязнова, учительницы Т. К. Великотной, актера Ф. А. Грязнова). Все они содержат многие важные факты о блокадной жизни ленинградцев, их поведении и психологии в экстремальных условиях.

Ценные публикации источников вышли в «Трудах Государственного Музея истории Санкт-Петербурга». Среди них следует особо выделить «Дневник блокадного времени» инженера-кораблестроителя В. Ф. Чекризова, работавшего на заводе «Судомех»¹²⁶. Если иметь в виду, что значительная часть архива «Судомеха» была уничтожена в период блокады в результате пожара, то дневник В. Ф. Чекризова является уникальным источником о самоотверженном труде коллектива завода в годы войны и блокады. Но, конечно, его дневниковые записи не

¹²² См. об этом: Шубин З. А. Блокадные дневники писателей // Литературный Ленинград в дни блокады. Л., 1973. С. 251–274.

¹²³ Вишневский В. Собр. соч.: в 5 т. Т.3. М., 1956. С. 297–298.

¹²⁴ Ольга. Запретный дневник. Дневники, письма, проза, избранные стихотворения и поэмы Ольги Берггольц. С. 93.

¹²⁵ Доживем ли мы до тишины? Записки из блокадного Ленинграда / отв. ред. В. М. Ковальчук; сост. В. М. Ковальчук, А. И. Рупасов, А. Н. Чистиков. СПб., 2009; «Я не сдамся до последнего...» / отв. ред. В. М. Ковальчук; сост. В. М. Ковальчук, А. И. Рупасов, А. Н. Чистиков. СПб., 2010.

¹²⁶ Чекризов В. Ф. Дневник блокадного времени // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 8. СПб., 2004. С. 150–151.

ограничиваются рамками заводской жизни, в них много важных и правдивых наблюдений и размышлений о том, что происходило в осажденном Ленинграде и за его пределами. Однако, если судить по признанию самого автора дневника, он решался доверить ему далеко не все. «Интересно читать через 24 года записи своего тогдашнего дневника, – признавал В.Ф.Чекризов в марте 1968 г. – Какие годы прожили? Жаль, что не писал подробно и не все так, как нужно было бы (были причины)»¹²⁷.

Таким образом, можно говорить о том, что за последние 15 лет произошел прорыв в публикации блокадных дневников, в результате которого исследователи получили новый корпус ценных источников¹²⁸.

Задача теперь состоит в том, чтобы содержащийся в них богатейший материал органически ввести в картину блокадной жизни Ленинграда¹²⁹, выявить и учесть все факторы, влиявшие на исход борьбы ленинградцев за выживание в экстремальных условиях блокады, на их поведение и психологию. Начало этой важной работе было положено на состоявшейся в мае 2008 г. в Санкт-Петербургском университете научной конференции «Жизнь и быт блокированного Ленинграда». В вышедшем в 2010 г. на основе материалов этой конференции сборнике содержится целый ряд статей (Л. Л. Газиевой, Н. Б. Лебедевой, В. Л. Пянкевича, А. Пери, Н. Б. Роговой, С. В. Ярова и др.), посвященных анализу блокадных дневников¹³⁰. В 2010 г. в Санкт-Петербурге прошел Международный научный colloquium «Человек и личность как предмет исторического исследования. Россия (конец XIX–XX вв.)», организованный Санкт-Петербургским институтом истории РАН и Европейским университетом в Санкт-Петербурге. В опубликованных материалах этого colloquium привлекают внимание статьи Алексиса Пери «Личность в осаде: образы себя как предмет творчества и самоанализа блокадного человека»¹³¹ и Полины Барсковой «"Автопортрет перед смертью": блокадная личность и механизмы репрезентативной компенсации»¹³². Отмечая оригинальный характер этих статей, вместе с тем не могу полностью согласиться с трактовкой в них ряда блокадных дневников. К сожалению, авторы этих статей часто подменяют конкретно-исторический анализ источника абстрактно-гуманистическими рассуждениями, в которых дневники блокадников служат иллюстративным материалом. Мне также представляется, что судить о поведении, психологии и этике населения блокированного Ленинграда на основании только дневников вряд ли корректно хотя бы потому, что дневники вели в первую очередь и в основном представители интеллигенции, чьи восприятие и оценки блокадной действительности отличались от восприятия других социальных групп блокадников. Нравственным критерием поведения ленинградцев служит в первую очередь их самоотверженная борьба за своих родных и близких, их вклад в дело обороны Ленинграда.

Важным источником для изучения блокадной повседневности являются воспоминания. Их ценность зависит в первую очередь от того, когда, кем и с какой целью они написаны. Значительный пласт блокадных воспоминаний, застенографированных в 1943–1947 гг. сотрудниками Ленинградского института истории партии, находится в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга¹³³. Но из более чем 600 храня-

¹²⁷ Там же. С. 151.

¹²⁸ Наиболее полный обзор опубликованных дневников блокадников, по моему мнению, содержится в книге С. В. Ярова (*Яров С. В. Блокадная этика*. СПб., 2011. С. 525–556).

¹²⁹ Примером такого органического введения может служить статья: *Пянкевич В. Л.* Семья в осаде (Ленинград 1941–1944 гг.) // *Битва за Ленинград: проблемы современных исследований: сб. статей*. СПб., 2007. С. 190–198.

¹³⁰ *Жизнь и быт блокированного Ленинграда: сб. науч. статей / ред. коллегия: Б. П. Белозеров (отв. ред.), Т. А. Пострелова, Н. Б. Рогова, М. В. Ходяков*. СПб., 2010.

¹³¹ *Человек и личность как предмет исторического исследования. Россия (конец XIX–XX вв.). Международный colloquium*. Санкт-Петербург, 7–10 июня 2010 г. Научные доклады. СПб., 2010. С. 275–294.

¹³² Там же. С. 295–304.

¹³³ См.: ЦГАИПД СПб. Ф.4000. Оп. 10.

щихся там воспоминаний лишь небольшая часть была опубликована в 1968 г. в сборнике воспоминаний «Оборона Ленинграда», подготовленном сотрудниками Ленинградского отделения Института истории¹³⁴. К этому времени были уже изданы и другие воспоминания¹³⁵. Разумеется, многие из них прошли не только цензуру, но и самоцензуру. Вот показательный пример: работавший в Ленинградском университете известный математик Н. П. Еругин, впоследствии действительный член Академии наук БССР, в своих воспоминаниях пишет, что перед тем как уйти в народное ополчение, он «торопливо передал свои неоконченные рукописи моему учителю члену-корреспонденту Академии наук СССР»¹³⁶. Однако фамилии своего учителя он не называет по той причине, что член-корреспондент А. Н. СССР Н. С. Кошляков был репрессирован в январе 1942 г. по сфальсифицированному делу так называемого «Союза старой русской интеллигенции», и его реабилитация состоялась в более позднее время.

Написанные в конце войны и первые послевоенные годы, воспоминания блокадников еще больше, чем дневники, были адресованы истории и будущим поколениям. «Возможно, эти мои очерки должны будут явиться обличительным документом, предъявленным гитлеровской Германии наряду с другими документами о причиненном ущербе нашей стране, обличительным документом тех травм, психических переживаний и физических мучений, которые перенесли дети

Ленинграда, пробыв 900 дней в трудных условиях блокады, – писала инспектор дошкольного сектора в Куйбышевском районе Е. Л. Щукина. – Но главное – пусть эти страницы станут свидетельством стойкости ленинградцев, взрослых и самых маленьких, их мужества и взаимопомощи. Пусть не иссякнет у будущих поколений чувство благодарности ленинградцам за то, что отстояли город и сохранили чистоту чувств и взаимоотношений. Пусть помогут понять нас, людей блокадного Ленинграда, и пусть живущие после нас сохраняют любовь к Великому городу»¹³⁷.

С выходом «Блокадной книги» А. Адамовича и Д. Гранина, как никогда ранее, открылось, что и спустя многие годы пережившие блокаду ленинградцы связаны с родным городом не только «одной неповторимой судьбой», но и памятью, сохранившей «все до боли и до слова». «Да, не забыто – разве может человек такое забыть, даже если бы и хотел, имел право?! – писали авторы этой книги. – Да, все это помнят еще живущие блокадники. Они блокаду выдержали, они переносили ее изо дня в день, сохраняя человеческое достоинство. Но мы, мы, не пережившие этого, или сегодняшние молодые, – имеем ли мы право не стараться узнать обо всем, что вынесли, пережили, перестрадали, сделали и ради нас они, ленинградцы?!»¹³⁸. В справедливости этого суждения еще раз убеждаешься, когда читаешь блокадные воспоминания, вышедшие в последние годы¹³⁹.

Отмечая серьезные успехи в публикации новых источников по истории блокады Ленинграда, вместе с тем нельзя сказать, что здесь использованы все возможности. В частности, исследователями почти не освоены фотодокументы, хотя составители появившихся в послед-

¹³⁴ Оборона Ленинграда. 1941–1944. Воспоминания и дневники участников / ред. коллегия: В. М. Ковальчук, В. В. Петраш, А. М. Самсонов (отв. ред.). Л., 1968.

¹³⁵ Щеглов Д. В ополчении. М., 1960; Еругин Н. П. О тех, кто выстоял. Минск, 1961; Бычевский Б. В. Город-фронт. М., 1963; Жданов Н. Н. Огневой щит Ленинграда. М., 1965; Подвиг Ленинграда. М., 1960; Своим оружием. М., 1961; Девятьсот дней. Л., 1962; Ради твоей жизни. Л., 1962; В огненном кольце. Воспоминания участников обороны города Ленинграда и разгрома немецко-фашистских захватчиков под Ленинградом. Л., 1963; и др.

¹³⁶ Еругин Н. П. О тех, кто выстоял. С. 8.

¹³⁷ Щукина Е. Л. Очерки блокадных дней. СПб., 2010. С. 11–12.

¹³⁸ Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга. С. 15.

¹³⁹ Дети и блокада. Воспоминания, фрагменты дневников. СПб., 2009; Медики и блокада. Взгляд сквозь годы. СПб., 2007; Павтухин Ю. А. Блокада и мы. Киров, 2008 «Мы знаем, что значит война». Воспоминания, письма, дневники универсантов военных лет. СПб., 2010; Алъшиц Д. Н. За нами был наш гордый город. СПб., 2010; и др.

ние годы фотоальбомов расширили круг опубликованных блокадных фотоматериалов¹⁴⁰. Как известно, в условиях военного времени разрешение на фотосъемки имели в первую очередь фотокорреспонденты Ленинградского отделения Телеграфного агентства Советского Союза и периодических изданий. Но далеко не все сделанные ими снимки получали разрешение цензуры на печать. Из 30 тыс. снимков блокадного времени разрешение на печать получили только 7 132¹⁴¹. В Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов в настоящее время хранится около 9 тыс. фотодокументов, которые в основном поступили из Ленинградского отделения Телеграфного агентства Советского Союза, причем не только негативы, но и сопроводительные текстовые карточки с сохранившимися пометами цензоров¹⁴². В 60-е годы в процессе подготовки фотоматериалов для 5-го тома «Очерков истории Ленинграда» мне довелось увидеть многие из этих фотоматериалов в числе первых и, естественно, опубликовать некоторые из них в нашей книге. И тоже, разумеется, с разрешения цензуры.

Публикация новых документальных источников создала предпосылки к тому, чтобы перейти к изучению блокады Ленинграда на качественно ином уровне, исследовать блокадную жизнь во всех ее проявлениях, объективно показать характер и мотивы поведения различных социальных групп населения, выявить основные факторы выживания в экстремальных условиях блокады. Американский социолог Джеффри Хасс предлагает интерпретировать этот сложный процесс с помощью таких категорий, как парадигма героизма, парадигма оппортунизма и парадигма нерешительности¹⁴³. «Парадигма героизма предполагает индивидуальное принятие решений на основе коллективных норм, – пишет он. – Парадигма оппортунизма предполагает индивидуальное принятие решений на основе рационального эгоизма и материальной выгоды (или потери). Парадигма нерешительности отводит индивидуальному выбору наименьшую роль; люди практически не решают ничего самостоятельно, и их вклад в развитие истории невелик»¹⁴⁴. При всей оригинальности и привлекательности этого предложения американского социолога применить его в качестве основного инструмента исследования такого уникального явления, как блокада Ленинграда, оказывается крайне затруднительным. Да и сам Джеффри Хасс признает, что предлагаемые им парадигмы представляют «только идеальные случаи, реальность же более сложна»¹⁴⁵. Вместе с тем его выводы, сделанные в результате изучения блокадных дневников и в первую очередь дневника Ольги Эпштейн, имеют, по моему мнению, методологическое значение, корректируют в ряде случаев суждения российских исследователей. «Во-первых, – считает Джеффри Хасс, – самостоятельность выбора является величиной переменной, которая не зависит целиком от ситуации. Утверждение С. В. Ярова о том, что серьезные лишения порождали нерешительность¹⁴⁶, очевидно, находит подтверждение в истории блокады. Страдание и различные испытания могут побудить людей выйти из нерешительности – не только физический инстинкт выживания, но также чувство справедливости или вины может вернуть способность действовать самостоятельно. Нерешитель-

¹⁴⁰ Ленинград, блокада, подвиг. Фотоальбом. Л., 1984; Никитин В. А. Неизвестная блокада. Ленинград 1941–1944. Фотоальбом. СПб., 2002; Ковальчук В. М., Чистиков А. Н. 1) Ленинград в годы Великой Отечественной войны. Очерки. Документы. Фотографии. СПб., 2005; 2) Ленинград и ленинградцы в годы блокады. СПб., 2012; Большакова О. В., Борзенко С. Б., Кожеев А. О. Пискаревское мемориальное кладбище. Трагедия Ленинграда. СПб., 2010; и др.

¹⁴¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 10. Д. 466а. Л. 5.

¹⁴² Дзюба Е. В. Голод и заболеваемость в фотодокументах ЦКАКФФД СПб // Жизнь и смерть в осажденном Ленинграде. Историко-медицинский аспект. СПб., 2001. С. 132–133.

¹⁴³ Хасс Дж. Выживание в годы войны и «история». Проблема самостоятельности выбора и различные модели человеческого поведения во время ленинградской блокады // Россия. Век двадцатый. Сб. статей к 95-летию доктора исторических наук В. М. Ковальчука. СПб., 2011. С. 107.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Речь идет о статье: Яров С. В. Ленинградцы в смутное время: предпосылки изменения нравственных ценностей // Вести. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. Сер. История. 2008. № 4. С. 23–46.

тельность не является состоянием природы; она возникает в результате сильных перекосов во внешнем мире человека, будь это материальные лишения или нечестное поведение властей»¹⁴⁷. В справедливости этого суждения мы убедимся, анализируя поведение ленинградцев на основании других источников блокадного времени.

Другой вывод американского социолога, который заслуживает внимания, состоит в том, что «парадигмы героизма и оппортунизма вряд ли возможно четко разграничить – для блокады, войны в целом, советской системы и того, как люди проживают “историю”». В связи с этим он предлагает использовать для объяснения не одну парадигму, а последовательность нескольких парадигм¹⁴⁸. Генеральный же вывод Джеффри Хасс формулирует так: «Существующие парадигмы поведения во время блокады проливают свет на то, как люди реагируют на те или иные события – как они их интерпретируют и формируют соответствующую реакцию. На грани пропасти люди осознают, кем они являются на самом деле. Именно поэтому сложная история жизни во время блокады может рассказать нам немало о войне, выживании, советской системе и природе человеческого поведения и человеческой истории»¹⁴⁹.

Не отрицая в принципе роль предложенных американским социологом моделей поведения в систематизации и осмыслении блокадного материала, вряд ли можно согласиться с тезисом о том, что «существующие парадигмы поведения во время блокады проливают свет на то, как люди реагируют на те или иные события». Здесь как раз обратная зависимость: именно поступки ленинградцев подтверждают или опровергают проявление и доминирование той или иной парадигмы их поведения. Задача исследователя, как мне кажется, состоит в том, чтобы, изучая известные на сегодня источники, выявить в них основные факторы (как позитивные, так и негативные) выживания в условиях блокады, факторы, определявшие исход противоборства жизни и смерти в блокированном Ленинграде. Эта многоаспектная проблема только поставлена в современной отечественной литературе¹⁵⁰, и она, по моему глубокому убеждению, нуждается в дальнейшем глубоком и, главное, систематическом исследовании.

Определяющим негативным фактором стала сама небывало длительная осада Ленинграда с вытекавшими из нее многочисленными тяжкими последствиями – непосредственной близостью немецко-фашистских войск и изоляцией от Большой Земли; постоянными артиллерийскими обстрелами и воздушными налетами противника; разрушением городского хозяйства и транспорта; нервно-психическими переживаниями и заболеваниями, вызванными условиями жизни в городе-фронте; наконец, страшным голодом зимы 1941–1942 г., в результате которого погибли сотни тысяч мирного населения города. Но блокадная правда была в том, что ленинградцы не только голодали, не только умирали, не только преодолевали страдания, но еще и действовали. К такому выводу пришли авторы «Блокадной книги» А. Адамович и Д. Гранин в результате своих многочисленных встреч с блокадниками: «Они работали, они помогали воевать, они спасали, обслуживали других, кто-то снабжал ленинградцев топливом, кто-то собирал детей, организовывал больницы, стационары, обеспечивал работу заводов, фабрик. В сущности, это было в каждом рассказе – голод, холод, обстрелы, лишения, смерти и, следовательно, душевные проблемы, порождаемые страданиями, и тут же активность людей, то, что они делали, как боролись, несмотря ни на что. Три эти стороны жизни появлялись в любом рассказе»¹⁵¹. Я могу только подтвердить, что «три эти стороны жизни» проявляются в той или иной форме в каждом блокадном источнике индивидуального происхождения – дневниках, письмах, воспоминаниях. Директор Травматологического института Ф. И. Машанский,

¹⁴⁷ Хасс Дж. Выживание в годы войны и «история». С. 120–121.

¹⁴⁸ Там же. С. 121.

¹⁴⁹ Там же. С. 122.

¹⁵⁰ См.: Дзенiskeвич А. Р. На грани жизни и смерти. Работа медиков-исследователей в осажденном Ленинграде. СПб., 2002. С. 90–108; Ломагин Н.А. Ленинград в блокаде. С. 50–53.

¹⁵¹ Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга. С. 21.

находившийся зимой 1941–1942 г. в состоянии сильного истощения и вырвавшийся из объятий голодной смерти благодаря неистребимой жажде жизни и оказанной помощи, емко выразил кредо защитников осажденного города: «Выжить, чтобы работать – это было непереносимым правилом в блокадном Ленинграде»¹⁵². Востоковед В. С. Гарбузова свидетельствовала, что зимой 1941–1942 г. «у погибающего от голода и холода населения была одна проблема: выжить и сохранить жизнь своим близким и родным»¹⁵³.

Размышляя о главных факторах массовой смертности в осажденном Ленинграде – «лютом голоде, жестоком промозглом холоде и тяжелом психологическом гнете военной опасности», блокадница С.В.Магаева отмечает, что «любой из этих факторов мог погубить, но эти факторы действовали одновременно, взаимно усиливали друг друга, усугубляя нарушение жизнедеятельности организма»¹⁵⁴. Это, конечно, была безжалостная реальность блокадной жизни и смерти, но в этом противоборстве далеко не последнюю роль играла жизнестойкость ленинградцев, источником которой были трудовой коллектив и семья, формировавшие коллективистскую психологию и товарищескую взаимопомощь, способность к самопожертвованию ради общей цели – защитить свою страну и родной Ленинград от немецко-фашистских захватчиков. Выжить в блокаде можно было только держась друг за друга, только помогая друг другу. «Понимаете, никогда я не видела и даже не слышала, чтобы люди так держались друг за дружку, как в то время! – вспоминала работница артиллерийского полигона М. Е. Сякина. – Мы все были как одна семья: и двенадцатилетние-четырнадцатилетние, и пожилые работницы...»¹⁵⁵. В дневниках и воспоминаниях можно встретить немало таких признаний: «единственное, что держит на ногах, – это сила коллектива»¹⁵⁶. Коллективистская психология срабатывала даже и тогда, когда, казалось бы, голод должен был ее отключить. Блокадники вспоминали многочисленные случаи, когда голодные люди не поддавались призывам громить и грабить булочные и даже пресекали такие попытки. Только коллективистская психология могла родить такую форму помощи, как бытовые отряды, созданные в феврале 1942 г. по инициативе девушек-комсомолок в Приморском районе Ленинграда.

Опорой в борьбе за выживание была первичная ячейка коллектива – семья, в которой ленинградцы находили утешение, тепло и любовь, помогая своим самым близким людям переносить выпавшие на их долю лишения и страдания. «В этом голодном, отчаянном мраке, – записал 23 января 1942 г. в своем дневнике известный востоковед А. Н. Болдырев, – дом, уют, тепло душевное, прежде всего, суть единственный свет, ничтожный в огромном мраке, как коптилочка, при которой пишу сейчас, но единственный, дающий волю к жизни, к великому – “Выжить”!»¹⁵⁷. О душевном тепле и уюте пишет с огромной любовью к своей супруге директор Архива АН СССР Г. А. Князев: «Какое счастье, что есть около любимых, ласковый, самоотверженный человек, есть еще остатки домашнего уюта, обломки комфорта»¹⁵⁸.

Однако не каждый блокадник мог опереться на семью, и в этом случае проблема выживания зависела от многих других факторов. Главный инженер завода «Судомех», семья которого была эвакуирована, отвечая для себя на вопрос, что его спасло, в марте 1942 г. записал в своем дневнике: «1) Сахар, запасенный Диной. Ей должен быть благодарен всю жизнь. 2) Заводская комната. В своей бы без дров я пропал бы. 3) Бурки. Они спасли от холода мои ноги. 4) Дополнительное питание дало возможность оправиться от перенесенного истощения. Без него болез-

¹⁵² Машанский Ф.И. Суровый экзамен // Листки блокадного календаря. Вып. 1. Л., 1988. С. 12.

¹⁵³ См.: Болдырев А.Н. Осадная записка. (Блокадный дневник). С. 21.

¹⁵⁴ Магаева С. В. Физиологические и психологические предпосылки выживания блокадников // Жизнь и смерть в осажденном Ленинграде. Историко-медицинский аспект. СПб., 2001. С. 28.

¹⁵⁵ Демидов В. И. Снаряды для фронта. Л., 1985. С. 146–147.

¹⁵⁶ Человек в блокаде. Новые свидетельства / отв. ред. В. М. Ковальчук. С. 172.

¹⁵⁷ Болдырев А.Н. Осадная записка. (Блокадный дневник). С. 45.

¹⁵⁸ Князев Г.А. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945. С. 335.

ненное состояние истощения организма долго не прошло бы»¹⁵⁹. В числе спасительных факторов автор дневника справедливо ставит на первое место припасенный женой еще до войны сахар. Такие запасы, как видно из других дневников и воспоминаний, спасли жизнь многим ленинградцам. Еще больше блокадников таких запасов не имели, и они предпринимали отчаянные усилия по изысканию дополнительных продуктов питания по месту своей работы, на черном рынке, в обмене у населения пригородных районов и др.

Блокадные документы и материалы, сохраняя в себе огромную информацию о способах выживания в блокаде, предоставляют еще и «возможность увидеть процесс выживания иначе – как обострение духовных, нравственных сил», «как торжество чувства долга»¹⁶⁰. Но для того чтобы это увидеть, от историка требуется не только предельная честность, но и глубокое уважение к живым и павшим в борьбе с голодной смертью. Известный историк Н.Д. Козлов справедливо полагает, что «высокий моральный дух населения стал тем оружием, которое помогло ему стойко переносить величайшие трудности и лишения блокады, трудиться и победить»¹⁶¹. Располагая теперь обширным комплексом документов, исследователи могут и должны в полной мере раскрыть роль морального фактора в борьбе защитников Ленинграда, роль, которую так емко выразила О. Ф. Берггольц: «Мы победили их, победили морально – мы, осажденные ими!»

¹⁵⁹ Чекризов В. Ф. Дневник блокадного времени. С. 62–63.

¹⁶⁰ См.: Рогова Н.Б. Вкус 125 г хлеба (они учили и учились в блокадном Ленинграде) // Женщины Ленинграда в годы блокады. СПб., 2005. С. 105–108.

¹⁶¹ Козлов Н.Д. Роль духовных сил населения в период блокады // Женщины Ленинграда в годы блокады. СПб., 2005. С. 51.

Глава вторая

Адольф Гитлер: «Первая достижимая цель – Ленинград...»

*Мы будем драться с беззаветной силой,
Мы одолеем бешенных зверей,
Мы победим, клянусь тебе, Россия,
От имени российских матерей.*

Ольга Берггольц

Ранним утром 22 июня 1941 г., еще до получения штабом Ленинградского военного округа директивы наркома обороны СССР на отражение вторжения вражеских сил, немецкая авиация совершила налет на район Кронштадта с целью минирования фарватеров в Финском заливе. Война фашистской Германии против СССР началась, таким образом, для Ленинграда в полном соответствии с планом «Барбаросса», в котором захват Ленинграда и Кронштадта рассматривался необходимым условием для наступления на Москву¹⁶². Придавая захвату Ленинграда первостепенное значение, гитлеровское командование исходило прежде всего из его политической, экономической и стратегической роли. Кроме того, Гитлер считал, что с падением Ленинграда «будет утрачен один из символов революции <...> и что дух славянского народа в результате тяжелого воздействия боев будет серьезно подорван» и для Советского Союза «может наступить полная катастрофа»¹⁶³. Вот почему Гитлер указывал своим генералам на необходимость первоочередного взятия Ленинграда. «Неудивительно, – пишет в связи с этим современный немецкий историк Йоханнес Хюртер, – что Ленинград играл особую роль в захватнических планах Гитлера, порой даже большую, чем Москва, которая оставалась главной целью наступления для Генерального штаба вермахта»¹⁶⁴. Как отмечалось 3 февраля 1941 г. при обсуждении плана «Барбаросса» на совещании верховного командования вермахта, «фюрер, в общем и целом, с операциями согласен. При детальной разработке следует иметь ввиду главную цель: овладеть Прибалтикой и Ленинградом»¹⁶⁵. 8 июля 1941 г. начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдер подтвердил в своем военном дневнике намерения Гитлера в отношении Москвы и Ленинграда: «Непоколебимо решение фюрера сравнить Москву и Ленинград с землей, чтобы полностью избавиться от населения этих городов, которое в противном случае мы потом будем вынуждены кормить в течение зимы. Задачу уничтожения этих городов должна выполнить авиация. Для этого не следует использовать танки. Это будет “народное бедствие”, которое лишит центров не только большевизм, но и москвитов (русских) вообще»¹⁶⁶. Вместе с тем нужно отметить, что в то время как германские военачальники не сомневались, что захват Москвы является для фюрера целью номер один, сам Гитлер на проходившем 4 августа 1941 г. совещании в Борисове заявил: «Первая достижимая цель – Ленинград и русское побережье Балтийского моря»¹⁶⁷. И хотя в дальнейшем Гитлеру и его генералам пришлось не раз изменять свои планы и методы овладения

¹⁶² «Совершенно секретно! Только для командования!». Сб. документов / пер. с нем. М., 1967. С. 171.

¹⁶³ Там же. С. 261.

¹⁶⁴ Хюртер Йоханнес. Вермахт под Ленинградом // Битва за Ленинград. Дискуссионные проблемы. СПб., 2009. С. 125.

¹⁶⁵ «Совершенно секретно! Только для командования!». С. 171.

¹⁶⁶ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 1. М., 1971. С. 101.

¹⁶⁷ Иоффе З. Г. Когда и зачем Гитлер и другие высшие чины нацистской Германии приезжали в СССР? Минск, 2010. С. 23.

Ленинградом, в первую очередь из-за ожесточенного сопротивления советских войск, их чело-
веконенавистническая сущность оставалась неизменной – любыми способами – обстрелами,
бомбежками, голодом – «решить» проблему мирного населения Ленинграда¹⁶⁸. Взятие Ленин-
града было главной задачей группы армий «Север», одной из трех стратегических группиро-
вок вермахта. Вместе с частью сил группы армий «Центр», которая должна была взаимодей-
ствовать с группой армий «Север», войска вермахта, нацеленные на Ленинград, состояли из
42 дивизий, в которых насчитывалось около 725 тыс. солдат и офицеров, более 13 тыс. орудий
и минометов и почти 1500 танков¹⁶⁹. Это была внушительная сила, подтверждавшая важность
ленинградского направления в планах немецко-фашистского командования.

Ленинградцы в подавляющем большинстве узнали о нападении фашистской Германии
на Советский Союз из выступления В. М. Молотова в полдень 22 июня 1941 г., и в их реак-
ции на это известие были самые смешанные чувства – возмущение, тревога за своих близких,
судьбу своего родного города и страны, решимость активно участвовать в отпоре агрессору,
отдать все свои силы для его разгрома. Но была и вера в скорую победу, навеванная совет-
ской предвоенной пропагандой, о чем можно судить по принимаемым резолюциям на митин-
гах и собраниях в первые дни войны. Однако подобные настроения скоро улетучились, столь
стремительно развивались события на ленинградском направлении и в самом городе. Указом
Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. была объявлена мобилизация по
Ленинградскому военному округу, а другим Указом Президиума Верховного Совета СССР в
этот же день Ленинград и Ленинградская область оказались на военном положении. В разви-
тие этого Указа 27 июня 1941 г. последовал приказ начальника гарнизона г. Ленинграда гене-
рала М. М. Попова об обеспечении общественного порядка и государственной безопасности в
городе. Приказ устанавливал жесткий контроль за общественным порядком, строго регламен-
тировал время работы учреждений и организаций, воспрещал въезд в Ленинград всем лицам,
не прописанным на жительство в городе, за исключением лиц, специально командированных,
запрещал фотографирование и киносъемки в его черте без разрешения коменданта гарнизона
Ленинграда, воспрещал движение легкового транспорта и пешеходов с 24 час. до 4 час. утра,
за исключением имеющих специальные пропуска. В тот же день, 27 июня 1941 г., Исполком
Ленгорсовета депутатов трудящихся принял решение о привлечении к трудовой повинности
всех трудоспособных граждан в возрасте от 16 до 50 лет для мужчин и от 16 до 45 лет для
женщин, за исключением работающих на предприятиях оборонной промышленности.

Между тем обстановка на северо-западном направлении быстро ухудшалась: 26 июня
1941 г., когда немецкие войска достигли Западной Двины, Финляндия официально начала
войну против Советского Союза, и Ленинград оказался в непосредственной близости от зоны
боевых действий. В этих условиях требовались срочные организационные меры по укрепле-
нию обороноспособности Ленинграда. Их принятие затруднялось отсутствием в городе пер-
вого лица – секретаря ЦК ВКП(б), первого секретаря обкома партии А. А. Жданова, который
буквально накануне объявления фашистской Германией войны СССР выехал с разрешения
И. В. Сталина в отпуск в Крым. Будучи одним из инициаторов сближения с Германией в
1939 г., Жданов не мог даже предположить, что война застанет его в Сочи, и вернулся в Ленин-
град только в конце июня 1941 г. С этого времени стали активно решаться такие важные
вопросы, как создание армии народного ополчения, возведение оборонительных сооружений
и прежде всего Лужского оборонительного рубежа. 1 июля 1941 г., на другой день после обра-

¹⁶⁸ См. об этом: *Ковальчук В. М.* Варварский план уничтожения Ленинграда и его жителей // 900 дней блокады. Ленин-
град. 1941–1944. СПб., 2005. С. 54–61; *Фролов М. И.* Хотел ли Гитлер взять Ленинград? // О блокаде Ленинграда в России и
за рубежом. Источники, исследования, историография / науч. ред. А. Р. Дзенискевич. СПб., 2005. С. 68–79; *Ломагин Н. А.*
Неизвестная блокада: в 2 кн. 2-е изд. Кн. 1. СПб., 2004. С. 119–121.

¹⁶⁹ *Барбагшин И. П., Кузнецов А. И., Морозов В. П., Харитонов А. Д., Яковлев Б. Н.* Битва за Ленинград. 1941–1944. М.,
1964. С. 19.

зования Государственного Комитета Оборона, Жданов возглавил Комиссию по вопросам обороны Ленинграда, ставшую по характеру своей деятельности штабом обороны города.

4 июля 1941 г. Комиссия по вопросам обороны Ленинграда рассмотрела вопрос о формировании Ленинградской армии народного ополчения. Принятое по этому вопросу решение скорректировало первоначальное постановление Военного Совета Северного фронта от 27 июня 1941 г., которым предусматривалось создать в Ленинграде «на добровольных началах Армию численностью в 100 000 человек, преимущественно из рабочих, служащих и студентов»¹⁷⁰. Теперь же комиссия посчитала необходимым «в целях усиления г. Ленинграда создать на добровольных началах Армию народного ополчения в 200 тыс. чел.», в которой предполагалось иметь 15 дивизий, сформированных по производственному принципу¹⁷¹. Судя по одному из пунктов решения комиссии, обязывавшего райкомы партии к 9 июля 1941 г. отобрать «добровольцев из числа передовых рабочих, служащих и студентов в возрасте от 18 до 50 лет», можно было подумать, что практическая работа по формированию добровольческих частей еще не развернулась. В действительности же запись в народное ополчение началась еще 30 июня 1941 г. и на 4 июля 1941 г. было отобрано 77 413 добровольцев¹⁷². 10 июля 1941 г. 1-ю (Кировскую) дивизию провожали уже на фронт, на Лужский оборонительный рубеж, где ей сразу же пришлось участвовать в ожесточенных боях с немецко-фашистскими войсками¹⁷³.

С формированием добровольческих частей, не предусмотренных никакими мобилизационными планами, остро встал вопрос об их вооружении. Если первые три дивизии народного ополчения (Кировская, Московская и Фрунзенская) получили еще в достаточном количестве винтовки и карабины и даже ручные и станковые пулеметы и пушки¹⁷⁴, то дальше начались поиски резервов, которые, как оказалось, были весьма скудными. Дело дошло до того, что в конце июля 1941 г. бюро Ленинградского горкома партии приняло постановление «о приспособлении учебных винтовок и пулеметов в боевое оружие»¹⁷⁵. Специалистам отдела вооружения Управления артиллерийского снабжения Ленинградского военного округа теперь пришлось только сожалеть о том, что буквально накануне войны они настояли на отправке из округа неисправного оружия – больше 100 тыс. винтовок, карабинов, револьверов, пистолетов. Попытки освоить массовое производство стрелкового оружия, никогда ранее в Ленинграде не производившегося, столкнулись с целым рядом трудностей. В августе 1941 г. удалось собрать всего 350 винтовок и карабинов¹⁷⁶.

Столь же остро встал вопрос и о производстве средств борьбы с вражескими танками, в первую очередь ручных гранат и бутылок с горючей смесью. Наряду с Институтом прикладной химии, который стал головным в этой области, изготовлением бутылок с зажигательной смесью занимались химические лаборатории Университета, Текстильного института, Лесотехнической академии, Сланцевого института, Института связи, Педагогического института им. А. И. Герцена, Химико-Технологического института и др.¹⁷⁷ В июле 1941 г. на фронт было отправлено 450 тыс. зажигательных бутылок и два миллиона запалов. В производстве этого едва ли не единственного тогда ополченцев средства борьбы с немецкими танками участвовали и ленинградские школьники: они собрали где только можно более миллиона пустых буты-

¹⁷⁰ Ленинград в осаде. Сб. документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944 /ред. коллегия: Н. И. Барышников, И. П. Бабурин, Т. А. Зернова, В. М. Ковальчук, Ю. И. Колосов, Т. С. Конюхова, Н. В. Пономарев, Г. Л. Соболев; отв. ред. А. Р. Дзенискевич. СПб., 1995. С. 579.

¹⁷¹ Там же. С. 31.

¹⁷² Очерки истории Ленинграда. Т. V. Л., 1967. С. 51.

¹⁷³ Там же. С. 56.

¹⁷⁴ Демидов В. И. Снаряды для фронта. Л., 1985. С. 31.

¹⁷⁵ Там же. С. 32.

¹⁷⁶ Там же. С. 32–33.

¹⁷⁷ Соболев Г. Л. Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. М.; Л., 1966. С. 45–48.

лок для снаряжения их зажигательной смесью¹⁷⁸. В июле 1941 г. была разработана и принята Военным Советом Ленинградского фронта на вооружение ручная противотанковая граната (РПГ-41), и А. А. Жданов сразу же доложил в Государственный Комитет Обороны (ГКО) о том, что в Ленинграде уже начато ее массовое производство¹⁷⁹. 12 июля 1941 г. ГКО принял решение о срочном возобновлении в Ленинграде производства 76-миллиметровой полковой пушки, которая была снята с производства незадолго до начала войны. Наряду с Кировским заводом, который стал головным, к обработке деталей и сборке отдельных узлов для полковых пушек было привлечено около 60 предприятий¹⁸⁰. В июле 1941 г. Ленинград дал фронту 133 полковые пушки¹⁸¹.

Для оказания оперативной помощи в решении возникавших проблем в области создания и производства новых видов вооружения и боеприпасов в июле 1941 г. была создана городская Комиссия по рассмотрению и реализации оборонных предложений во главе с академиком Н. Н. Семеновым. Члены комиссии, среди которых были академики А. Ф. Иоффе, Б. Г. Галеркин, профессора Я. Б. Зельдович, Н. Н. Миролюбов, А. А. Петров, Д. В. Тищенко, Ю. Б. Харитон, М. А. Шателен и др., проделали огромную работу по рассмотрению оборонных предложений, поступавших в комиссию с первых же дней ее создания. Для изучения потока идущих от ленинградцев предложений Комиссия привлекла ведущие научные учреждения города. Только одно Ленинградское отделение Всесоюзного научно-технического общества энергетики рассмотрело около 100 изобретений и предложений в области электротехники. Консультационное бюро по военным изобретениям, образованное при Механическом институте, изучило свыше 100 поступивших изобретений, многие из которых были признаны нужными и полезными. За первые месяцы войны комиссия изучила 850 изобретений и предложений, поступивших от ученых, инженеров, рабочих, воинов Красной Армии. Наиболее важные и интересные предложения и изобретения были рекомендованы комиссией для реализации¹⁸².

6 июля 1941 г., спустя две недели после начала войны, «Ленинградская правда» сообщила, не делая из этого никакой тайны: над Ленинградом нависла прямая угроза фашистского вторжения. И это была суровая правда: через несколько дней войска группы армий «Север» захватили Псков и вышли на подступы к Луге. 11 июля 1941 г. в Ленинград прибыл Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов, назначенный накануне Государственным Комитетом Обороны главнокомандующим Северо-Западным направлением. На состоявшемся в тот же день в Смольном совещании руководящих военных, партийных и советских работников среди самых неотложных вопросов был рассмотрен план строительства Лужской укрепленной полосы¹⁸³. 25 июля 1941 г. в целях ускоренного строительства укрепленной полосы вокруг Ленинграда приказом главнокомандующего Северо-Западного направлением была образована Комиссия по оборонительным работам во главе с секретарем Ленинградского горкома ВКП(б) А. А. Кузнецовым. На комиссию, наделенную чрезвычайными полномочиями, возлагалась ответственность за окончание в кратчайший срок строительства укрепленной полосы вокруг Ленинграда¹⁸⁴. Комиссия привлекла к возведению оборонительных сооружений сотни тысяч ленинградцев, в том числе и всех неработающих трудоспособных граждан, а трудовая повинность была распространена на юношей с 15 лет и на девушек с 16 лет. Активное участие в строи-

¹⁷⁸ Демидов В. И. Снаряды для фронта. С. 40.

¹⁷⁹ Там же. С. 46.

¹⁸⁰ Дзенискевич А. Р. Военная пятилетка рабочих Ленинграда. Л., 1972. С. 63.

¹⁸¹ На защите Невской твердыни / отв. ред. Ю. Н. Яблочкин. Л., 1965. С. 116.

¹⁸² Соболев Г. Л. Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. С. 16–20.

¹⁸³ На защите Невской твердыни / отв. ред. Ю. Н. Яблочкин. С. 61–63.

¹⁸⁴ 900 героических дней. Сб. документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. / ред. коллегия: Х.Х. Камалов, В. М. Ковальчук (отв. ред.), Ю.С.Токарев; сост. Х.Х.Камалов, Р. В.Серднук, Ю.С.Токарев. М.; Л., 1966. С. 47–48.

тельстве оборонительных укреплений приняли ленинградские ученые, которые вошли в состав самых авторитетных комиссий, выступали консультантами, проводили на строительстве оборонительных сооружений целые недели. Немало сил этому делу отдал член-корреспондент АН СССР М. А. Шателен. «Михаилу Александровичу Шателену шел тогда восьмой десяток, – вспоминал впоследствии один из руководителей по сооружению оборонительных укреплений. – Он поражал всех своей энергией и работоспособностью. Многим было жалко старого человека. Михаил Александрович, – говорили ему, – просим вас, отдохните. А он взглянет серьезно и ответит: я выполняю свой долг перед Родиной. И он действительно выполнял свой долг так, как подобает советскому человеку. М. А. Шателен разработал простые схемы подключения электрического тока к проволочным заграждениям, системы сигнализации, руководил производством полевых телефонных аппаратов, выполнял многие другие важные работы»¹⁸⁵.

Ленинградское отделение Всесоюзного научно-технического общества строителей выделило около 100 высококвалифицированных специалистов, которые руководили строительством наиболее ответственных участков оборонительной полосы, а также возведением баррикад и других укреплений в самом городе. Бригады строителей под руководством профессора В. П. Петрова, доцентов И. И. Александрова, С. С. Галушкевича выезжали на передний край для выполнения заданий, связанных с бетонированием и производением гидротехнических работ¹⁸⁶. В руководстве работами по строительству дотов, дзотов, блиндажей и других укреплений принял активное участие коллектив Инженерно-строительного института, в том числе профессора В. Г. Гевирц, Г. В. Никитин, Н. А. Цытович, доценты П. Д. Громов, А. А. Заварзин, К. А. Михайлов, Н. М. Осипов, М. П. Виноградов, С. К. Харчев, Г. А. Чухманов и др. Большую помощь в возведении оборонительных рубежей оказали сотрудники Всесоюзного научно-исследовательского института гидротехники¹⁸⁷.

Ленинградские ученые оперативно решали вопросы, вставшие при строительстве оборонительных укреплений. Сотрудники научно-исследовательского института коммунального хозяйства в кратчайшие сроки разработали методы подбора и испытания бетонов для противотанковых заграждений и дотов; внедрением этих методов при производстве противотанковых надолб-пирамид была занята группа работников института, возглавляемая В. П. Шемяковым. Интенсивные исследования по изысканию материалов для оборонительных сооружений проводились в механической мастерской Института инженеров железнодорожного транспорта под руководством профессора Н. М. Беляева; здесь же проходили испытания бетона, рельсов, металлоконструкций, балок, тросов и других строительных материалов. Большую консультационную работу вели ученые на заводах, изготавливавших бетонные укрепления¹⁸⁸.

Ленинградские работники науки не только осуществляли техническое руководство строительством оборонительных сооружений, но и вместе со всеми трудящимися города рыли окопы и траншеи. Во Фрунзенском районе только 25 июня 1941 г. на возведении укреплений трудилось более 4 тыс. преподавателей и студентов вузов и техникумов. На строительстве оборонительных рубежей самоотверженно работали научные сотрудники учреждений Академии наук СССР. Педагоги и студенты консерватории во главе со своим директором, профессором П. А. Серебряковым рыли противотанковые рвы¹⁸⁹. Земляные работы на окраинах города проводились по глинистому сырому и вязкому грунту; к тому же часто приходилось работать под обстрелом противника, а иногда и под угрозой вражеского окружения, но укрепления на подступах к Ленинграду росли.

¹⁸⁵ В огненном кольце. Воспоминания участников обороны Ленинграда. М., 1963. С. 26.

¹⁸⁶ Соболев Г. Л. Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. С. 24–25.

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Там же. С. 25–26.

¹⁸⁹ «Ленинградская правда на оборонной стройке». 1941. 29 июля.

В результате самоотверженного труда всех ленинградцев и творческих усилий работников науки и техники в предельно короткий срок была сооружена Лужская оборонительная полоса, на которой немецко-фашистские захватчики были задержаны на целый месяц. О характере и объеме работ по строительству оборонительных укреплений можно судить по следующим данным: бойцами инженерных войск и трудящимися города проложено около 50 тыс. куб. м бетона, израсходовано свыше 40 тыс. т брони, вынута более 13 млн куб. м земли. Было отрыто около 700 км противотанковых рвов, сооружено 300 км лесных завалов, построено более 5 тыс. бетонированных и деревянно-земляных точек, поставлено 635 км проволочных заграждений¹⁹⁰. «Оборонительные сооружения, возведенные работниками текстильных фабрик, домашними хозяйками, инженерами, конструкторами, учеными Ленинграда, – писала «Ленинградская правда», – сыграли важную роль в обороне города. Строители помогли Красной Армии, защитникам нашего города, измотать и остановить врага»¹⁹¹.

Однако в июле 1941 г. борьба за Ленинград еще только вступала в свою критическую фазу. 30 июля 1941 г. командование группы армий «Север» получило приказ Гитлера «продолжать наступление в направлении Ленинграда, нанося главный удар между озером Ильмень и Нарвой с целью окружить Ленинград и установить связь с финской армией»¹⁹². В свою очередь И. В. Сталин хорошо понимал важность сражения за Ленинград и подтвердил это в разговоре с посетившим Москву в конце июля 1941 г. личным представителем президента США Ф. Рузвельта Г. Гопкинсом, назвав Ленинград в числе тех важнейших стратегических пунктов, которые должны быть удержаны во что бы то ни стало¹⁹³.

Между тем в самом Ленинграде обстановка становилась все напряженнее. «Тревога нарастает, как снежный ком. Каждый новый пункт на карте оказывается все ближе и ближе, появляются люди, уже испытавшие бомбежку, прямо раздавленные страхом, – записала в своем дневнике 16 июля 1941 г. начальник планового отдела 7-й ГЭС И. Д. Зеленская. – Эвакуация идет плохо, город по-прежнему полон детей, стариков, инвалидов, и мало того, много эвакуированных детей возвращается, так как условия для жизни оказались неважными и родители предпочитают иметь ребят на глазах, пока в Ленинграде тихо»¹⁹⁴. Хотя эвакуация началась с первых дней войны и продолжалась уже почти три недели, ее результаты вряд ли могли удовлетворить родителей: большинство вывезенных детей было направлено в районы Ленинградской области, откуда их в скором времени пришлось возвращать обратно в город по причине начавшихся систематических налетов авиации противника. Всего до начала блокады города в Ленинград было возвращено 175 тыс. детей¹⁹⁵. В июле началась эвакуация рабочих (в первую очередь квалифицированных) вместе с наиболее ценным оборудованием предприятий, но за месяц было эвакуировано с заводами немногим более 100 тыс. человек¹⁹⁶.

При проведении эвакуации Городская комиссия, созданная 27 июня 1941 г. при Исполкоме Ленгорсовета, столкнулась с нежеланием многих ленинградцев уезжать из города. По свидетельству ответственного работника Ленгорсовета И. А. Андреевко, «из районов поступали такие сообщения в Ленинградский Совет, что, так сказать, население настроено никуда не уезжать и защищать город Ленинград»¹⁹⁷. Многочисленные подтверждения тому имеются

¹⁹⁰ Музей обороны Ленинграда: очерк-путеводитель. М.; Л., 1948. С. 143.

¹⁹¹ Ленинградская правда. 1942. 10 дек.

¹⁹² «Совершенно секретно! Только для командования!». С. 269.

¹⁹³ Переписка Председателя Совета министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т.2. М., 1957. С.281.

¹⁹⁴ «Я не сдамся до последнего...». Записки из блокадного Ленинграда / отв. ред. В. М. Ковальчук; сост. В. М. Ковальчук, А. И. Рупасов, А. Н. Чистиков. СПб., 2010. С. 12.

¹⁹⁵ Ковальчук В. М. Варварский план уничтожения Ленинграда и его жителей. С. 26.

¹⁹⁶ Там же. С. 27.

¹⁹⁷ Адамович Алесь, Гранин Даниил. Блокадная книга. Л., 1984. С. 138–139.

в дневниках самих ленинградцев. Директор Архива АН СССР Г. А. Князев сделал в своем дневнике 27 июля 1941 г. такую запись: «Я остаюсь. По своей воле я не уеду из Ленинграда. Многое придется пережить, может быть, умереть... Но так что же! Моя жизнь сама по себе не имеет для государства никакого значения, а только, пожалуй, в сочетании с тем, что мне вверено охранять! А это здесь, в Ленинграде»¹⁹⁸. Но и те, кому нечего было охранять, кроме своего скромного имущества, также решительно не хотели уезжать. А. П. Остроумова-Лебедева передает в своем дневнике состоявшийся в районном совете разговор в связи с эвакуацией: «...Им в райсовете говорили: “Мы отнимем у вас продовольственные карточки”. – “Пусть. Мы и без них проживем”. – “Мы отнимем у вас паспорта и... лишим вас жилплощади”. – “Пусть, мы все равно никуда не поедem”. В конце концов, женщины разошлись, твердо решив не уезжать»¹⁹⁹. Очень скоро многим придется пожалеть о своем упрямстве и упущенной возможности заблаговременно выехать из Ленинграда, положение которого с конца июля 1941 г. стало угрожающим.

31 июля 1941 г. в наступление на Карельском перешейке перешли финские войска. Оборонявшаяся здесь 23-я армия не могла сдерживать превосходящие силы противника и была вынуждена отступать, неся большие потери в живой силе и технике. По этой причине 23-я армия была отведена на рубеж Карельского укрепленного района, проходившего по линии государственной границы 1939 г. К 1 сентября 1941 г. наступление финнов на этом направлении было остановлено. Но на Свирско-Петрозаводском направлении финские войска, имея тройное превосходство в силах, в результате тяжелых боев против нашей 7-й армии в августе 1941 г. вышли к р. Свирь²⁰⁰.

Но главная опасность исходила от немецких войск, начавших 10 августа 1941 г. наступление на Лужском и Новгородско-Чудовском направлениях. Стойкая оборона советских войск не позволила противнику прорваться к Ленинграду через Лугу, а войскам Северо-Западного фронта даже удалось нанести немцам чувствительный удар под Старой Руссой. Однако 16-я армия противника, получив поддержку из танковой группы генерала Гота и перегруппировав свои силы, сумела довольно быстро оправиться от нанесенного ей контрудара и продолжила наступление на Новгород. После того, как 15 августа 1941 г. немецкие войска в результате ожесточенных боев вошли в западную часть Новгорода, Ставка Верховного Главнокомандования в своей директиве, подписанной И. В. Сталиным и Б. М. Шапошниковым 17 августа 1941 г., предупредила Военный Совет Северо-Западного направления, что «если немцы будут иметь успех в этом направлении, то это будет означать обход Ленинграда с востока, перерыв связи между Ленинградом и Москвой и критическое положение Северного и Северо-Западного фронтов». Хотя в директиве содержались весьма недвусмысленные предупреждения о том, что «Ставка не может мириться с настроениями невозможности предпринять решительные шаги, с разговорами о том, что уже все сделано и ничего больше сделать невозможно», ее приказ «собрать в кулак часть действующих и подошедших дивизий и вышибить противника из Новгорода»²⁰¹ не был выполнен. 19 августа 1941 г. немцы окончательно овладели Новгородом, нацелившись на Ленинград.

Захват противником Новгорода аукнулся с недельным интервалом в Ленинграде. «На всех сегодня произвело тягостное впечатление известие: “После упорных боев наши войска оставили Новгород”, – записал 26 августа 1941 г. в своем дневнике Г. А. Князев. – Все с глубокой и затаенной тревогой ждут своей “судьбы”. Вслух не говорят, но в глазах тревога. Вопрос о падении Ленинграда решается в ближайшие часы и дни. Только как? Ценой разрушения

¹⁹⁸ Князев Г.А. Дни великих испытаний. Война с Германией. Впечатления в моем малом радиусе. Дневники 1941–1945. СПб., 2009. С. 98.

¹⁹⁹ Цит. по: Ломагин Н.А. Неизвестная блокада: в 2 кн. Кн. 1. С. 313.

²⁰⁰ Ковальчук В.М. Варварский план уничтожения Ленинграда и его жителей. С. 32.

²⁰¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 204.

города и жертвой трехмиллионного населения или объявлением его открытым городом? Слухи упорные ходят, что город будут оборонять до последнего издыхания»²⁰². Вместе с тем в результате приближения фронта к Ленинграду и под влиянием немецкой пропаганды в городе появились призывы к сдаче Ленинграда и объявления его открытым городом. Партийным властям стало известно, что в городе расклеиваются листовки с призывом к женщинам идти ради спасения детей в Смольный и просить, чтобы Ленинград объявили «свободным городом»²⁰³. Здесь уместно отметить, что Управление НКВД по Ленинграду в ряде случаев шло на явные переделки: в обзорную справку о распространителях антисоветских слухов в августе 1941 г. попал известный востоковед академик В. В. Струве, который в разговоре со знакомым сказал, что «нам преподносят небылицы, скрывают правду. Разговоры о приостановке немецкого наступления явно не соответствует действительности». Руководство НКВД реагировало на это высказывание однозначно – «готовятся документы для ареста»²⁰⁴.

После захвата немцами Чудово и выхода его танковых соединений к Октябрьской железной дороге создалась реальная угроза наступления на Ленинград с восточного направления. Чтобы мобилизовать ленинградцев на защиту своего города, его руководители решаются на чрезвычайные меры: 20 августа 1941 г. бюро Ленинградского городского комитета партии и Исполком Ленинградского городского Совета принимают решение «Об организации обороны города Ленинграда». Для подготовки населения к уличной борьбе был образован Военный Совет обороны Ленинграда во главе с командующим Ленинградской армией народного ополчения А. И. Субботиным. В Военный Совет вошли А. А. Кузнецов, Л. М. Антюфеев, Я. Ф. Капустин и П. С. Попков. В тот же день решение об образовании Военного Совета обороны Ленинграда было подтверждено приказом главнокомандующего Северо-Западным направлением К. Е. Ворошилова. В соответствии с этим приказом намечалось организовать по территориально-производственному принципу 150 рабочих батальонов, в которых командиров и комиссаров разрешалось избирать всем личным составом. В связи с острой нехваткой огнестрельного оружия рабочие батальоны предлагалось вооружить и холодным оружием: саблями, кинжалами, пиками²⁰⁵. 21 августа было опубликовано обращение К. Е. Ворошилова, А. А. Жданова и П. С. Попова «Ко всем трудящимся города Ленина», призывавшее ленинградцев встать «как один на защиту своего города».

Реакция Сталина на несогласованную с ним акцию была незамедлительной и жесткой. В состоявшемся на следующий день разговоре по прямому проводу с Ворошиловым и Ждановым он обрушил на них свой гнев за «самодеятельность», за «увлечение» формированием рабочих батальонов с таким вооружением, выступил категорически против выборности командиров и комиссаров в народном ополчении. Кроме того, отсутствие Ворошилова и Жданова в составе созданного ими Военного Совета обороны Ленинграда, возможно, давало подозрительному «хозяину» основание думать, что тем самым они хотят уйти от ответственности за сложившееся положение, и поэтому Сталин приказал изменить персонально состав этого органа, введя в него руководителей Военного Совета Северо-Западного направления, и в первую очередь Ворошилова и Жданова. Разумеется, это было немедленно выполнено, хотя как организационные меры, так и «мудрые указания» не могли стабилизировать обстановку под Ленинградом. Более того, с развитием наступления немецких и финских войск на Карельском перешейке и на Петрозаводск выявилась реальная угроза полного окружения Ленинграда. В связи с необходимостью перегруппировки сил и улучшения оперативного управления войсками Военный

²⁰² Князев Г. А. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945. С. 147.

²⁰³ Ломагин Н. А. Неизвестная блокада: в 2 кн. Кн. 1. С. 316.

²⁰⁴ Иванов В. А. Реакция ленинградцев на чрезвычайные условия блокады // О блокаде Ленинграда в России и за рубежом. СПб., 2005. С. 115.

²⁰⁵ 900 героических дней. Сб. документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. С. 54–55.

Совет Северного фронта возбудил перед Ставкой ходатайство о разделении Северного фронта на два: Северный и Ленинградский. С 23 августа 1941 г. решением Ставки Северный фронт был разделен на Ленинградский и Карельский. Учитывая угрожающее положение на любаньском и красногвардейском направлениях, Ставка разрешила Военному Совету Ленинградского фронта использовать для обороны города четырехдневный выпуск танков ленинградских заводов, а также направила дополнительно авиационные части и маршевые батальоны. Но и эти меры не смогли остановить продвижение девяти дивизий противника, наступавших из района Чудово и захвативших 25 августа Любань.

Тогда Сталин направил в Ленинград облеченную чрезвычайными полномочиями комиссию, состав и деятельность которой оставались неизвестными и в послевоенное время. Только в конце 60-х годов завесу секретности приоткрыл бывший член этой комиссии маршал артиллерии Н.Н. Воронов, по свидетельству которого комиссии было поручено «серьезно заняться на месте руководством боевыми действиями наших войск на данном направлении, решить на месте – целесообразно ли иметь такое количество военных советов»²⁰⁶. Наконец, в 1990 г. был опубликован специальный мандат, подписанный 26 августа Сталиным и врученный этой комиссии. В нем говорилось: «Заместитель Председателя Государственного Комитета Обороны т. Молотов В.М., Член Государственного Комитета Обороны т. Маленков Г.М., Народный Комиссар Военно-Морского Флота т. Кузнецов Н.Г., заместитель Председателя Совнаркома СССР т. Косыгин А. Н., Командующий ВВС Красной Армии т. Жигарев П. Ф. и начальник Артиллерии Красной Армии т. Воронов Н. Н. уполномочиваются Государственным Комитетом Обороны для рассмотрения и решения, совместно с Военным Советом Главного Командования Северо-Западного направления и с Военным Советом Ленинградского фронта, всех вопросов обороны Ленинграда и эвакуации предприятий и населения Ленинграда»²⁰⁷.

Прибывшая в почти осажденный Ленинград комиссия могла на месте убедиться в серьезности ситуации, увидеть целый ряд существенных промахов и упущений руководства обороной города. Она признала необходимым упразднить изжившее себя командование и штаб Северо-Западного направления и Военный Совет обороны Ленинграда, подтвердила целесообразность разделения Северного фронта на Ленинградский и Карельский, потребовала перевести город на осадное положение. Комиссия высказала резкое недовольство медленными темпами эвакуации населения и беспечностью руководства в отношении продовольственных ресурсов города.

Проблема эвакуации мирного населения Ленинграда в августе 1941 г. встала действительно остро, и Городская эвакуационная комиссия, наверстывая упущенное время, сумела только за период с 15 по 27 августа вывезти из города свыше 200 тыс. человек. Всего же за период с 29 июня по 27 августа 1941 г. из Ленинграда было эвакуировано 636 203 человека, из них 488 703 ленинградца (в том числе 220 тыс. детей) и 147 500 человек из прибалтийских республик и Карело-Финской ССР²⁰⁸. Тем не менее в Ленинграде все еще оставалась значительная часть несамодеятельного населения, на что сразу обратила внимание Комиссия ГКО. Вместе с тем из опубликованных теперь «донесений» из Ленинграда членов Комиссии ГКО Сталину можно сделать вывод, что высокая комиссия, выражая свое неудовлетворение низкими темпами эвакуации населения города и его промышленности, не смогла правильно оценить создавшееся уже в дни ее пребывания в Ленинграде (26–29 августа) критическое положение. Иначе как объяснить оптимистический тон «донесения» членов Комиссии Сталину 28

²⁰⁶ Оборона Ленинграда. 1941–1944. Воспоминания и дневники участников / ред. коллегия: В. М. Ковальчук, В.В.Петраш, А. М. Самсонов (отв. ред.). Л., 1968. С. 202.

²⁰⁷ Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 209.

²⁰⁸ 900 героических дней. Сб. документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. С. 106.

августа 1941 г.: «Сообщаем, что нами приняты решения эвакуировать за декаду с 30 августа по 8 сентября из Ленинграда 250 000 человек женщин и детей, и 66 тыс. человек из прифронтовой полосы, исходя из среднесуточной подачи 170 вагонов»²⁰⁹. А ведь буквально накануне, добираясь в Ленинград через Череповец, члены ГКО, оказавшись на станции Мга, по свидетельству генерала Н. Н. Воронова, своими глазами увидели, что Ленинград вот-вот останется без железнодорожной связи с Москвой и со страной²¹⁰. Такое же впечатление производит и «донесение» членов Комиссии ГКО Сталину о продовольственном положении Ленинграда, отправленное 29 августа 1941 г. Сообщая о незначительных запасах основных продовольственных товаров в Ленинграде на 27 августа (муки и зерна на 17 дней, крупы – на 29 дней, рыбы – 16 дней, мяса – на 25 дней, масла животного – на 29 дней), Комиссия предлагала создать в Ленинграде к 1 октября полуторамесячные запасы продовольствия. В целях экономии продовольствия Комиссия намечала довольно скромные меры – прекратить коммерческую торговлю продуктами питания и нормировать нормы выдачи населению чая, спичек и яиц²¹¹.

Между тем выявленные на момент приезда в Ленинград Комиссии ГКО незначительные запасы продовольствия требовали принятия жестких мер в расходовании основных продуктов питания – хлеба, крупы, мяса, масла, запасы которых по сравнению с имевшимися на начало войны сократились в 2–3 раза. Справедливости ради следует признать, что сложившееся к этому времени трудное продовольственное положение Ленинграда объяснялось не только тем, что с началом войны руководству города следовало бы сразу пойти на более экономное расходование основных продуктов питания, но еще и тем, что в мирное время продовольственные ресурсы города были весьма ограничены. Несмотря на то, что Ленинград обладал высокоразвитой пищевой промышленностью, обеспечивавшей не только город, но и потребности ряда других краев и областей, запасов, которых могло бы хватить на продолжительное время, на складах не имелось. На 21 июня 1941 г. на ленинградских складах хранилось муки и зерна, в том числе и предназначенных на экспорт, на 52 дня, крупы – на 89 дней, мяса – на 38 дней, масла животного – на 47 дней, масла растительного – на 29 дней²¹². С началом войны расходование основных продуктов питания в Ленинграде не только не уменьшилось, но даже увеличилось. В городе скопилось большое количество беженцев и проходила концентрация войск, вследствие чего среднесуточная выпечка хлеба в 2112 т в июле выросла до 2305 т в августе²¹³. Введение с 18 июля 1941 г. карточной системы также не привело к заметному уменьшению расходования продовольственных запасов города. Очевидно, и в это время руководители Ленинграда еще не до конца осознавали, какая катастрофическая опасность таится в необеспеченности города продовольствием на длительный срок. Только этим можно объяснить такую непродуманную меру, как разрешение коммерческой торговли продуктами питания (было открыто 70 таких магазинов) в условиях уже введенной карточной системы²¹⁴. Не были использованы и все возможности для пополнения продовольственных запасов Ленинграда. Об одной из таких неиспользованных возможностей рассказал впоследствии А. И. Микоян, который в годы войны был председателем Комитета продовольственного и вещевого снабжения Красной Армии и Комитета по эвакуации из прифронтовой полосы запасов продовольствия. «В самом начале войны, когда немецко-фашистские войска развертывали наступление, – вспоминал он, – многие эшелоны с продовольствием, направляемые по утвержденному еще до войны мобилизационному плану на запад, не могли прибыть к месту назначения, поскольку

²⁰⁹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 212.

²¹⁰ Оборона Ленинграда. 1941–1944. Воспоминания и дневники участников. С. 202–203.

²¹¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 212.

²¹² Карасев А. В. Ленинградцы в годы блокады. 1941–1943. М., 1959. С. 127.

²¹³ Там же. С. 128.

²¹⁴ 900 героических дней. Сб. документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. С. 285–286.

одни адресаты оказались на захваченной врагом территории, а другие находились под угрозой оккупации. Я дал указание переправлять эти составы в Ленинград, учитывая, что там имелись большие складские емкости. Полагая, что ленинградцы будут только рады такому решению, я вопрос этот с ними предварительно не согласовывал. Не знал об этом и И. В. Сталин до тех пор, пока ему из Ленинграда не позвонил А. А. Жданов. Он заявил, что все ленинградские склады забиты, и просил не направлять к ним сверх плана продовольствие. Рассказав мне об этом в телефонном разговоре, Сталин сказал, зачем я адресую так много продовольствия в Ленинград. Я объяснил, чем это вызвано, добавив, что в условиях военного времени запасы продовольствия, и прежде всего муки, в Ленинграде никогда не будут лишними, тем более, что город всегда снабжался привозным хлебом (в основном из районов Поволжья), а транспортные возможности его доставки могли быть и затруднены. Что же касается складов, то в таком большом городе, как Ленинград, выход можно было найти. Тогда никто из нас не предполагал, что Ленинград окажется в блокаде. Поэтому Сталин дал мне указание не засылать ленинградцам продовольствие сверх положенного без их согласия»²¹⁵.

Теперь, в конце августа, Комиссия ГКО, сообщая Сталину о крайне незначительных ресурсах продовольствия Ленинграда и предлагая создать их полуторамесячный запас, просила возложить ответственность «за их срочную отгрузку и продвижение» в Ленинград на Микояна и Кагановича²¹⁶.

Направленные Сталину 29 августа 1941 г. предложения Комиссии ГКО пришли с полученным им сообщением о падении очередного важного пункта на Ленинградском направлении – на этот раз Тосно. И Сталин сразу же направляет телеграмму «Секретарю горкома Кузнецову для Молотова, Маленкова»: «Только что сообщили, что Тосно взято противником. Если так будет продолжаться, боюсь, что Ленинград будет сдан идиотски глупо, а все ленинградские дивизии рискуют попасть в плен. Что делают Попов и Ворошилов? Они даже не сообщают о мерах, какие они думают предпринять против такой опасности. Они заняты исканием новых рубежей отступления, в этом видят свою задачу. Откуда у них такая бездна пассивности и чисто деревенской покорности судьбе? Что за люди – ничего не пойму. В Ленинграде имеется теперь много танков КВ, много авиации, эресы. Почему эти важнейшие технические средства не действуют на участке Любань-Тосно? Что может сделать против немецких танков какой-то пехотный полк, выставленный командованием против немцев без этих технических средств? Почему богатая ленинградская техника не используется на этом решающем участке? Не кажется ли тебе, что кто-то нарочно открывает немцам дорогу на этом решающем участке? Что за человек Попов? Чем, собственно, занят Ворошилов и в чем выражается его помощь Ленинграду? Я пишу об этом, так как очень встревожен непонятным для меня бездействием ленинградского командования. Я думаю, что 29-го ты должен выехать в Москву. Прошу не задерживаться»²¹⁷.

Обращает на себя внимание то, что телеграмма направлена Сталиным Молотову и Маленкову в обход Жданова, что было признаком явного недовольства «хозяина» одним из своих фаворитов. Вряд ли можно отрицать, что все содержание телеграммы проникнуто тревогой за судьбу Ленинграда, хотя нельзя здесь не заметить, что Верховный Главнокомандующий на всякий случай хочет найти того, кто «нарочно открывает немцам дорогу на этом решающем участке».

Вообще 29 августа 1941 г. стало «черным днем» для Ленинграда: на севере пал Выборг, а на южном направлении, всего в нескольких десятках километров от города, была захвачена станция Мга, и железнодорожное сообщение со страной было нарушено. Опасаясь новой

²¹⁵ Военно-исторический журнал. 1977. № 2. С. 45–46.

²¹⁶ Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 212.

²¹⁷ Там же. С. 213.

вспышки гнева Сталина и надеясь еще отбить у противника Мгу, руководство обороной Ленинграда не рискнуло сообщить ему эту неприятную новость сразу, но об этом позаботился нарком путей сообщения Л. М. Каганович, доложивший в ГКО, что «с 14 часов 29 августа движение поездов с Ленинградом прервано по всем линиям»²¹⁸.

30 августа 1941 г. О. Ф. Берггольц, выступая в «Ленинградской радиохронике», впервые за время войны так обратилась по радио ко всем ленинградцам: «Ленинградец! Сегодня семидесятый день Великой Отечественной войны. Стрелки часов движутся к десяти, в городе уже почти темно, все стремительнее бегут последние трамваи, и ты, ленинградец, ускоряешь шаги, торопясь к дому. Улицы пустеют и замирают, военная ночь вступает в свои права... Помнишь ли ты, ленинградец, что ты на фронте, что ты воин? Ты воин, ленинградец, кто бы ты ни был – рабочий или служащий, или домохозяйка. Ты на фронте, ленинградец, где бы ты ни был – в цехе, в конторе или в своей квартире, потому что ты в Ленинграде... Так спроси же себя, ленинградец, что ты сделал для фронта сегодня, спроси для того, чтоб завтра сделать еще больше...»²¹⁹.

Наступали трудные времена, но еще никто не мог и предполагать, какие испытания ждут ленинградцев впереди.

²¹⁸ Там же.

²¹⁹ Литературный Ленинград в дни блокады. Л., 1973. С. 174.

Документы

ПРИКАЗ

начальника гарнизона г. Ленинграда об обеспечении общественного порядка и государственной безопасности в городе 27 июня 1941 г.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. об объявлении в г. Ленинграде военного положения, в целях обеспечения в г. Ленинграде общественного порядка и государственной безопасности приказываю:

1. Время работы учреждений и организаций местного и областного значения установить с 8 час. 30 мин. утра, союзного и республиканского значения – с 9 час. утра.

2. Театрам, паркам, кино, клубам и другим зрелищным предприятиям свою работу заканчивать не позднее 22 час. 45 мин.

3. Торговым предприятиям (магазины, палатки, рынки и др.), предприятиям общественного питания (рестораны, столовые, кафе и др.) и предприятиям коммунального обслуживания (бани, прачечные, парикмахерские и др.) заканчивать свою работу в 22 час. 45 мин.

4. Воспретить въезд в г. Ленинград всем лицам, не прописанным на жительство в г. Ленинграде, за исключением лиц, специально командированных народными комиссарами СССР и РСФСР, а также по вызовам облисполкома и исполкома Ленсовета.

Примечание: Рабочим и служащим пригородов, работающим в г. Ленинграде, разрешается въезд в г. Ленинград по специальным пропускам предприятий и учреждений.

5. Запретить фотографирование и производство киносъемок в пределах г. Ленинграда без разрешения коменданта гарнизона г. Ленинграда.

6. Воспретить движение по г. Ленинграду легкового транспорта и пешеходов с 24 час. до 4 час. 00 мин. за исключением имеющих специальные пропуска.

Примечание: Во время воздушной тревоги транспорт и пешеходы действуют в соответствии с правилами местной противовоздушной обороны.

7. За невыполнение настоящего приказа виновные подлежат наказанию по законам военного времени.

8. Наблюдение за точным и неуклонным выполнением настоящего приказа возлагаю на коменданта гарнизона г. Ленинграда полковника Денисова.

9. Настоящий приказ ввести в действие с 24 час. 00 мин. 29 июня 1941 г.

Начальник гарнизона г. Ленинграда
генерал-лейтенант ПОПОВ

Ленинградская правда. 1941. 28 июня.

РЕШЕНИЕ

Ленгорисполкома о привлечении граждан Ленинграда к трудовой повинности 27 июня 1941 г.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» и на основании указания военных властей исполнительный комитет Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся решает:

1. Привлечь с 29 июня 1941 г. граждан Ленинграда, Пушкина, Колпина, Петергофа и Кронштадта к трудовой повинности для выполнения оборонных работ.

2. К трудовой повинности привлечь всех трудоспособных граждан обоего пола в возрасте от 16 до 50 лет для мужчин и от 16 до 45 лет для женщин, за исключением рабочих, работающих на предприятиях оборонной промышленности.

3. В соответствии со статьей 13 кодекса законов о труде от привлечения к трудовой повинности освободить:

- а) лиц, вследствие болезни или увечья временно утративших трудоспособность, на срок, необходимый для ее восстановления;
- б) беременных женщин на период времени за 8 недель до родов или матерей в течение 8 недель после родов;
- в) женщин, кормящих грудью;
- г) инвалидов труда и войны;
- д) женщин, имеющих детей до 8-летнего возраста, при отсутствии лица, ухаживающего за ними.

Дополнительные изъятия и льготы, в зависимости от состояния здоровья, семейного положения, характера работ и бытовых условий, допускаются только с разрешения соответствующего исполкома райсовета депутатов трудящихся в каждом отдельном случае.

4. Граждане, привлекаемые к трудовой повинности, обязаны незамедлительно и безоговорочно выполнять возлагаемые на них обязанности.

5. Установить следующую продолжительность работы в порядке трудовой повинности:

- а) неработающих трудоспособных граждан обоего пола – 8 часов в сутки;
- б) служащих и рабочих – 3 часа в сутки после работы;
- в) учащихся функционирующих учебных заведений – 3 часа в сутки после учебы.

Установить продолжительность непрерывной работы граждан, привлекаемых к трудовой повинности, не более 7 дней, с перерывом после этого не менее 4 дней.

6. Проведение работы по привлечению граждан к трудовой повинности возложить на исполкомы райсоветов депутатов трудящихся.

Обязать управляющих домами и комендантов общежитий в суточный срок взять на учет всех граждан, подлежащих привлечению к трудовой повинности, в соответствии с настоящим решением.

7. Граждан, уклоняющихся от выполнения работ в порядке трудовой повинности, подвергать, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении», лишению свободы в административном порядке сроком до 6 месяцев или штрафу до 3000 руб.

Председатель Исполкома

Ленгорсовета депутатов трудящихся

ПОПКОВ

Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза. Сб. документов и материалов. Т. 1. Л., 1944. С. 15.

Постановление Военного Совета Северного фронта об организации эвакуации населения и материальных ценностей

28 июня 1941 г.

Во исполнение постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 июня 1941 г. «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества» Военный Совет Северного фронта постановляет:

1. Назначить от Военного Совета ответственным по эвакуации как населения, так и материальных ценностей в пределах Северного фронта т. Попкова П.С.

2. В первую очередь эвакуации подлежат:

- а) важнейшие промышленные ценности (оборудование – важнейшие станки и машины, ценные сырьевые ресурсы и продовольствие), цветные материалы, хлеб и другие ценности, имеющие государственное значение;

б) квалифицированные рабочие, инженеры и служащие вместе с эвакуированными с фронта предприятиями, население, в первую очередь молодежь, годная для военной службы, ответственные и партийные работники.

3. Вывоз эвакуируемого ценного имущества и населения возложить на исполком Ленорсовета, Ленинградский облисполком, Мурманский облисполком, Совнарком Карело-Финской ССР и Совнарком Эстонской ССР.

4. Все ценное имущество, сырьевые и продовольственные запасы, хлеб на корню, которые при невозможности вывоза и оставления на месте могут быть использованы противником, в целях предотвращения этого использования, по особому распоряжению Военного совета фронта должны быть немедленно приведены в полную негодность, т. е. должны быть разрушены, уничтожены и сожжены.

5. Распоряжения т. Попкова по эвакуации подлежат немедленному исполнению.

Командующий войсками Северного фронта генерал-лейтенант ПОПОВ.

Член Военного Совета Северного фронта корпусной комиссар КЛЕМЕНТЬЕВ.

Член Военного Совета Северного фронта ШТЫКОВ.

Член Военного Совета Северного фронта КУЗНЕЦОВ.

900 героических дней. Сб. документов и материалов. М.; Л., 1966. С. 39–40.

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ КОМИССИИ ПО ВОПРОСАМ ОБОРОНЫ ЛЕНИНГРАДА

4 июля 1941 г.

Совершенно секретно

№ 3

Председатель: т. Жданов А. А.

Члены комиссии: тт. Кузнецов А.А., Штыков Т. Ф., Попков П.С., Соловьев Н. В.

1. О формировании Ленинградской армии народного ополчения (тт. Кузнецов, Антюфеев, Верховглаз)

1. В целях усиления обороны г. Ленинграда создать на добровольных началах Армию народного ополчения в 200 тыс. чел.

2. Народное ополчение формировать с учетом производственного принципа: предприятие – подразделение – часть.

3. Иметь в народном ополчении 15 дивизий с количественным составом по 12000 – 13000 чел. каждая.

Дивизию иметь в составе 3 стрелковых полков, 1 легкого артиллерийского полка, роты связи, автороты, медсанбата. Кроме того, в составе дивизии должны быть подразделения самокатчиков и минеров.

4. Укомплектование начсоставом до полка включительно произвести за счет запаса, от полка и выше – за счет кадров Красной Армии силами ЛВО.

5. Обязать райкомы ВКП(б) г. Ленинграда под личную ответственность первых секретарей к 6 июля 1941 года отобрать на предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях добровольцев из числа передовых рабочих, служащих и студентов в возрасте от 18 до 50 лет.

6. Горком ВКП(б) обязывает районные комитеты ВКП(б), руководителей хозяйственных и партийных организаций, предприятий и учреждений проявлять постоянную заботу о своих частях и соединениях народного ополчения, оказывая им всемерную помощь в их оснащении и боевой деятельности.

Ленинград в осаде. Сб. документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1995. С. 30–31.

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ 1-й ДНО В ШТАБ ЛАНО О НЕХВАТКЕ И ПЛОХОМ КАЧЕСТВЕ ВООРУЖЕНИЯ

9 июля 1941 г.

В связи с тем, что из полков начали поступать сигналы о неудовлетворительном и плохом качестве вооружения, о чем сообщал отдел политпропаганды дивизии донесением № 2, и проверив более углубленно положение с вооружением, доношу:

Дивизия по нормальному штату должна получить 8404 винтовки. Получено же 8120. Учитывая, что отдельные полки, как например, 1-й стрелковый полк, по личному штату выше, к тому же организован ряд новых подразделений, как-то: санбатальон, – общая нехватка винтовок выражается в 1000 шт. К тому же качество существующих на вооружении винтовок частью оказывается негодным для боя, особенно драгунские.

Ящики с надписью «3-я категория» из складов прямо были переброшены в полки. Пехотные винтовки имеются выпуска 1917-24 гг. и «Американ». Прилагаемый акт от 9 июля 1941 г. характеризует состояние отдельных партий винтовок. В целой группе вооружения дивизия недоснабжена. Так, по наганам потребность 1633, получено же 600. Пистолетов-пулеметов положено 110, не получено ни одного.

Пулеметов «ДП» должно быть 375, получено только 160, при этом только 60 являются годными, а остальные без мушки и сошек.

Станковых пулеметов положено 61, фактически же получено 58, при этом некоторые требуют ремонта. Пулеметов «Максим» с оптическим прицелом полагается 180, на самом деле ни одного не получено.

Комплект зенитных пулеметов – положено 18 шт., однако ни одного не получено.

Тяжелых пулеметов на универсальном станке положено 9 шт., но ни одного не получено. Запчастей ЗИП не дано, как-то: весов, безменов и др.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.